

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

ПО ТУ СТОРОНУ ЛУНЫ

Литературоведческие этюды

**Памяти Мурата
Мухтаровича Ауэзова**

*Окончание.
Начало в № 1–2, 2025.*

ПРАЗДНИК ЛИТЕРАТУРНОГО ДУХА

В сентябре прошлого года исполнилось пятьдесят лет со времени проведения Пятой конференции писателей стран Азии и Африки, состоявшейся в Алма-Ате. Я помню то изумительное время, когда в осеннем городе у подножья гор, среди его улочек и скверов звучала поэтическая речь во славу творчества свободы, звучала на многих языках и наречиях под весёлое журчание арыков и лёгкий шелест падающей листвы. Можно было встретить, поговорить о поэзии или, наконец, взять автограф у Чингиза Айтматова, Мумина Каноата, Юрия Рытхэу, Фаиза Ахмад Фаиза, Николая Тихонова...

Помню, как Расул Гамзатов, находясь на горе Кок-Тюбе, восклицал: «Как в моем Дагестане!» И эти слова признания пятидесятилетнего горца пашлычный дым уносил вниз к прекрасному городу, к его белым домам, отдохавшим в тени деревьев, в той неповторимой вечерней прохладе, которая бывает только в сентябре.

Это время божественным образом совпало с моим поэтическим «запингом». Как это легко бывает по молодости, можно было взять, например, образ тополя или карагача и описать стихами или случайного прохожего превратить в своего Ночного Прохожего, вложив в его уста исповедальность двадцатилетнего юноши. Всё это становилось твоим по чувствам и по душе, вне разума и расчёта вливалось в твоё поэтическое пространство.

Разумеется, было ещё далеко до публикаций своих творений, да и кого публикуют в двадцать с небольшим лет? Не это было важным и определяющим. Важно было ощутить себя неотъемлемой частью этой жизни, этой природы, этого города. Думаю, что нечто подобное было у многих представителей творческой интеллигенции того периода, особенно среди нас, молодых.

Этот праздник литературной мысли и поэтического духа состоялся благодаря таким личностям, как Ануар Алимжанов, Олжас Сулейменов, Ильяс Есенберлин, Мурат Ауэзов, Сатимжан Санбаев, Болатхан Тайжанов...

Вот что писал о тех незабываемых днях Мурат Ауэзов на страницах альманаха «Литературная Азия» (2002 г.):

«Алматинская конференция писателей 1973 года, хорошо подготовленная и хорошо проведённая, прошла под знаком свежести и особой привлекательности тогда ещё не затёртых, не искажённых тезисов свободы и независимости.

С казахской стороны вдохновлённым и, безусловно, главным организатором Конференции был Ануар Алимжанов, чьё творчество к тому времени обре-

ло осознанный антиимперский, деколонизационный характер. Движимые солидарным мировидением, мощную поддержку в придании духу Конференции недвусмысленно антиколониальной направленности оказали Алимжанову два других руководителя тогдашней казахской писательской организации – Ильяс Есенберлин, работавший в полную силу над знаменитой впоследствии кочевнической эпопеей, и Олжас Сулейменов, находившийся на пике своей выдающейся поэтической и ораторской формы.

Вообще о нескольких месяцах до и после конференции можно говорить как об одной из славных страниц в истории творческой интеллигенции Казахстана. Некое пассионарное волонтерство было свойственно многим начинаниям, и многое замечательно удавалось. Волонтерски, не требуя для себя гонораров, трудилась творческая группа под руководством Сатимжана Санбаева по выпуску на английском, французском, арабском языках казахстанского приложения к альманаху “Лотос” – печатному органу Ассоциации писателей Азии и Африки. Со вкусом оформленное, по своему духу и содержанию приложение явилось ярким самовыражением тогдашнего нашего инакомыслия. В нем, в частности, нашла приют эстетика кочевья, гонимая официозом.

Разумеется, кому-то эти детали могут показаться малозначительными. Но на деле – они из числа действий, на глубинном уровне готовивших Казахстан, его общественное сознание к сотворению реального суверенитета...»

Тот период можно по праву назвать «звёздным часом» издания переводной литературы у нас в республике. Имена многих поэтов и писателей стран Азии и Африки благодаря книгам, вышедшим в издательстве «Жазушь», остались навсегда в читательской среде Казахстана, в их благодарной памяти.

В том году журнал «Простор» опубликовал роман сингапурского писателя Го-Бо-Сена в переводе Марьям Салганик «Если слишком мечтать». Находясь под впечатлением коллизий и сюжетной линии романа, я некоторое время сверял свои поступки и действия с его главным персонажем, который по возрасту был мне ровесником.

Когда в 2002 году, находясь в Куала-Лумпуре на Всемирных поэтических чтениях, я обмолвился об этом корреспонденту, он был, мягко говоря, ошарашен тем, что в далёком Казахстане знают имя писателя, которого в Юго-Восточной Азии уже мало кто вспоминает.

Ясность внёс писатель из Малайзии Исмаил Хуссейн, который присутствовал при нашей беседе. Он свыше тридцати лет возглавляет литературный журнал «Генгара», выходящий в Малайзии, вспомнил и Алма-Ату того периода, и свой приезд на Пятую конференцию, и о переводах лучших представителей писателей и поэтов стран Азии и Африки. Могу сказать вполне определённо, что без всего этого не было бы и моей книги переводов «Каникулы кочевья», где наряду с поэзией Казахстана под одной обложкой звучат стихи поэтов пяти континентов.

К открытию того писательского форума был построен конференц-зал при Союзе писателей Казахстана с прилегающим к нему кафе «Каламгер». В этом кафе с тех далёких лет в кругу его постоянных посетителей – писателей и поэтов – понятие «творчество свободы» стало приобретать черты свободы творчества, созидательный характер которого немислим без переводного моста поэтического духа.

* * *

В феврале 1990 года в Казахстане, после известных выборов в Верховный Совет СССР прошлого года, которые впервые в истории прошли на альтернативной основе, где проиграли многие партийные бонзы своим оппонентам-противникам из народа, у нас, в республике, прошли аналогичные выбо-

ры в Верховный Совет Казахстана – мажилис. Этим выборам предшествовала аналогичная подготовка. Одно место от казахских профсоюзов, Казсовпрофа, предполагалось дать представителю от культуры и литературы. Сестра известного журналиста Гадильбека Шалахметова Светлана Минашевна курировала в профсоюзах культуру. Она и позвонила в Союз писателей Казахстана, чтобы определить одного кандидата в депутаты от писательской организации.

Я тогда был при Олжасе, работал его помощником, а Мурат Ауэзов и Сатимжан Санбаев были в руководстве казахской Коллегии по переводам. Олжас поручил мне, чтобы в Коллегии определились с кандидатом, эту просьбу первого секретаря Правления СПК я и передал Мурату Мухтаровичу:

– Альтернатива так альтернатива, – с улыбкой произнёс Мурат-ага. – Согласно опросу членов Коллегии и актива аппарата СПК, кандидаты определились. Это Сатимжан Санбаев, мой заместитель, известный писатель и общественный деятель. И я – руководитель Коллегии по переводам. Как считаешь, Сатимжан?

Сатимжан, как бывший спортсмен, мастер спорта по вольной борьбе, автор многих книг и прекрасный актёр, сыгравший роль Алиби Жангильдина в фильме «Дорога в тысячу верст», прервал своеобразную рекламную паузу и сказал:

– Мурат, ну что мы будем состязаться в красноречии предвыборных дебатов, тем самым отчасти мешать друг другу в этой благородной миссии. Вот, Бахытжан, монета, в полновесный советский рубль. Определи – кому орёл, то есть герб страны Советов, а кому решка. И подкинь – на кого выпадет, тот и пойдёт кандидатом. И будет по-честному, по-дворовому, как когда-то при уличных спорах.

Определили со сторонами монеты. Орёл – для Сатимжана, как старшему по возрасту. Решка – для Мурата. Я как судья – рефери, которому мои старшие братья доверили свою дальнейшую судьбу, в коридоре первого этажа СПК, где располагалась Коллегия, щелчком большого пальца подкинул вверх монету. Несколько раз прокрутившись вокруг собственной оси, слегка прозвенев, она упала на лакированную косую дощечку паркета.

– Решка! – бесстрастно по-судейски сообщил я и пожал каждому руку.

Сатимжан обнял Мурата Ауэзова и пожелал успеха в предвыборной гонке.

Я сказал, что иду к Олжасу, чтобы сообщить это окончательное решение Коллегии по переводам.

– Подожди, Бахытжан, – попросил Мурат Мухтарович, – я прошу тебя быть моим доверенным лицом.

– После такого жребия сам Бог велел быть мне вашим доверенным лицом, Мурат Мухтарович!

Было прекрасное время, время перемен. И каждый из нас, по-мальчишески, по-пацански, как в этом жребии с монеткой ждал своей участи, своей сопричастности к тому зримому и невидимому грядущему, что надвигалось на нас по всей территории империи страны Советов. Тогда я встречался с Муратом Ауэзовым почти каждый день, сверяя часы по хронометру подготовки к дебатам, опубликовал о его предвыборной программе две статьи в «Огнях Алатау» и в «Вечерке». Съездили вместе с другими кандидатами от профсоюзов на региональную встречу с избирателями в духовную Мекку казахской нации – в Семей, Жидебай, Борили. И здесь я заметил, как раскрывался Мурат Мухтарович, неистово и аргументировано в своих спичах на трибуне, и как тихо и проникновенно уходил в себя при посещении могил и захоронений своих святых предков. Словно бы молвил – «Предки, поддержите меня!». Или по-абаевски – «Как могила шамана я...».

А когда мы пришли на заключительное собрание избирателей в здание Казсовпрофа, что находилось на углу Мира и Маметовой, в гардеробе, когда сдавали пальто, я суеверно загадал на номерки – Мурата Ауэзова и свой. Когда получил жетоны, то прочёл – 102 и 111. А проходной балл кандидата был 105. Мурат-ага заметил интуитивно мою игру с номерками и взглядом спросил:

– Как?

– Всё нормально, всё нормально, – и положил оба номерка к себе в карман, не давая вникать кандидату в депутаты Мурату Ауэзову в магию чисел и цифр.

При подсчёте голосов кандидат Мурат Ауэзов получил 109 положительных голосов. Горжусь, что был свидетелем и отчасти участником этого исторического явления.

Когда одевались, я отдал гардеробщице сразу два номерка, Мурата и свой. И было неизвестно, у кого из нас какой номер. Да и это уже было ни к чему после свершившегося факта: культуролог Мурат Ауэзов – депутат Верховного Совета Казахстана.

* * *

А потом, после голосования и результатов, мы пошли вверх по улице Мира (нынешняя Желтоксан) к моему дому, что находился на углу этой же улицы и Курмангазы, где ждала нас моя Гулечка – Гульнар, приготовив праздничный обед по такому случаю и пригласив на обед своего деда Галыма, знаменитого Галеке, знавшего довольно близко Мухтара Ауэзова, издавшего ещё в сороковые годы прошлого столетия первые книги великой эпопеи «Путь Абая».

Мурат Ауэзов всегда с большой теплотой вспоминал о Галеке, ровеснике двадцатого столетия. Вот строки его выступления на Пленуме Главной Коллегии по художественному переводу в Грузии (1977 год): «В нашей работе по состоянию здоровья не смог участвовать один из лучших переводчиков с русского языка на казахский Галым Ахмедов. Он передал своё выступление. Прежде чем отдать текст секретариату, позволю себе озвучить некоторые курьёзные факты, извлечённые уважаемым Галым-ага из казахского перевода «Похождений храброго солдата Швейка» Гашека. Слово «привратница» звучит в нем как лгунья, то есть особа женского пола, любящая приврать, а идиома «приказал долго жить» как пожелание остающимся пребывать в здравии. Такого рода «оживляж» уместно присутствует в выступлении Галыма Ахмедова, но в целом – это глубокий, добротный анализ переводного дела в Казахстане, полностью отвечающий теме сегодняшнего разговора».

В тот прекрасный весенний день мы шли вверх по улице Мира, и Мурат Ауэзов, глядя на дома, вспоминал и рассказывал, как жил вместе с мамой Фатимой, братьями и сёстрами в одном из этих дворов, где были в то время особняки.

– В 1949 году отец перевёз нас в Алма-Ату из Мерке. Он купил небольшой домик на тогдашней улице Исык-Кульской (нынешняя Мира на 1990 год – *Б. К.*). там были сад и огород. Туда мы все и переехали из Мерке. С нами была тётя мамы, Хуппи-апа, которая посвятила маме всю свою жизнь и всегда во всем помогала. Вот я думаю об этом, вспоминаю... Это просто какие-то библейские судьбы. Хуппи-апай поставила крест на личной жизни, хотя была красивой в молодости и отдала всю жизнь моей маме и её детям. Её уважали и ценили все родственники, и мой отец в том числе.

А Мухтар Ауэзов в 1930–1932 годах находился в тюрьме. Арестован был по обвинению в национализме. А после этого всё время был «на мушке» у НКВД. В 1953 году скончался Сталин, и в 1957 году состоялась официальная реабилитация Беимбета Майлина, Сакена Сейфуллина, Ильяса Жансугурова.

С подачи Ильяса Жансугурова Мухтар Ауэзов ещё в тридцатые годы написал повесть о восстании 1916 года под названием «Лихая година», и сорок лет она пролежала ненапечатанной. Много лет спустя Чингиз Айтматов при поддержке Твардовского опубликовал её в журнале «Новый мир»... Мы шли и шли вверх по улице Мира, а Мурат Мухтарович вспоминал и вспоминал... Даже о том, что его мама, Фатима Габитова, сохранила в своих документах последний автограф Ильяса Жансугурова, присланный ей из застенков НКВД 9 января 1938 года – доверенность на получение авторского гонорара в кассе Каздрамтеатра.

Этим суровым годам испытаний предшествовала прекрасная молодость начала тридцатых годов. И всё, что было связано с этим, благодаря усилиям Мурата Ауэзова было собрано, отредактировано и издано в издательстве «Жибек Жоль». Как показатель их прекрасной молодости, радости и вдохновения жизни, привожу свой перевод шуточного айтыса между Беимбетом Майлиным и Фатимой Габитовой:

Беимбет:

*Почтенной Фатиме привет!
Гостей-товарищей встречай –
Не огорчай друзей Ильяса...
Заваривай скорее чай,
Разделявай на кухне мясо!*

*Чтоб не пришлось жалеть поздней,
Что молодость прошла напрасно
И в суматохе тусклых дней
Ты прозевала пир прекрасный.*

*В осенних тучах небосвод,
Бьёт месяц молодой рогами.
Когда моё письмо придёт,
Прочтёшь с улыбкой, дорогая...*

Фатима:

*И от меня вам всем привет,
Бычкам бодливым и несатым.
Я дверь закрою на обед –
И нечего стучать копытом!..*

Беимбет:

*Забудь – таких преград, как дверь,
Не существует для батыра,
Я вовремя приду, поверь,
Чтоб милой не испортить пира.*

*Ты дверь откроешь второпях
И поменяешь гнев на милость.*

*Войди в наш яблоневый сад,
Где спелые плоды висят,
И насладись любим свободно!
А я пришло тебе букет
Цветов, которых краше нет!
Ну, что ещё душе угодно?*

*Ты ярче солнца в облаках,
И украшаться мастерица...
О, как мечтаю насладиться
Сиянием в твоих глазах!*

*Тебе отправив письмецо,
Жду с нетерпением ответа,
Надеюсь, что твоё лицо
Улыбкой вспыхнет ярче света!*

*Уверен, не заметишь, как
Досада радостью сменилась.*

*Ты зря испытываешь нас,
Знай, лучшие гостя в мире нету...
Прими привет в сей поздний час
Как знак любви от Беимбета.*

Фатима:

*Знать не хочу таких, как вы,
Вы в письмах и в беседах врётё:
Поётё пылко о любви –
В мечтаньях жаждете лишь плоти.*

*Я на обед к себе не жду
Ни болтунов, ни лоботрясов,
Ни в этом, ни в другом году
Не будет чая вам и мяса.*

*Вы не поймёте никогда
Всех радостей простого быта,
А значит, дверь моя всегда
Для ветреных бычков закрыта.*

*Не стоит медного гроша
То, что вы тут наобещали,
Уж лучше пусть моя душа
В тоске пребудет и печали.*

Спустя пять лет Фатима Габитова будет отправлена в первую ссылку в Семей, где её найдёт малолетняя дочь Беимбета Разия. Фатима-апа заберёт её к себе из детдома, приведёт в порядок, сводит к фотографу, чтобы младшая дочь поэта Беимбета сфотографировалась для мамы, которая также была в ссылке, после столичной жизни в Алма-Ате, жила в бараке Карлага и пасла овец. В моем архиве есть письмо Разии-апай (1984 год), в нем она пишет о встрече с мамой, которая состоялась благодаря заботам Фатимы Габитовой.

А на одном из фронтонов двухэтажных домов по улице Мира смутно проступал барельеф с силуэтами Ленина и Сталина. Старожилы 1990 года должны помнить эти дома по улице Мира, по которой мы поднимались вверх с Муратом Мухтаровичем Ауэзовым, словно бы восходя по ступеням будущего Независимого Казахстана.

Привожу скорбные строки Фатимы Габитовой, переведённые мной:

***

*Малы мои дети,
В слезах мои очи,
Нет правды на свете,
Пусты мои ночи...*

*Никто не поможет
В далёкой чужбине,
А сердце тревожит:
Как жить мне отныне?*

***

*Семей, несчастна жизнь твоя,
Без сил и чести бытия
Ты потерял ориентиры.
Твои стремленья – смех и грех:
Ты ради хлеба да утех
Все предал в этом брэнном мире!
1931 г.*

***

*Кто эти бедные слепцы на свете белом,
По жизненной тропе бредущие в слезах?
Их дух ослаб давно, они убоги телом,
Спасенья нет нигде голодным и несмелым...
В них жизни нет, а души принял мрак!
15 декабря 1931 г.*

***

*Возчик, одетый в чёрную шубу,
Спросит тихонько, без лишнего шума:
– Я фельетонов давно не читал –
Где же Матай наш, куда он пропал?
– НКВД объявило «врагом»,
Взят под арест он...
Услышавши тут,
Нам говорит продащица газет:
– Вот и газеты теперь не берут...
1938 г., Семипалатинск*

***

*Ни о чем рыдать не стану,
Ни о чем не стану думать –
Не развеешь снов угрюмых,
Не залечишь в сердце рану.
Непосильная разлука,
Непомерно одиноко...
Если бы не сила духа,
Я бы умерла от вздоха...*

* * *

Я до сих пор не знаю, где
Крыла подрезали Икару...
Я прокляла НКВД
За незаслуженную кару!

**«Путь Абая»
(на критику в «Казправде»)**
В «Казправде» критикуют «Путь Абая»!
Но так мощна его степная лира,
Что он живёт, и жизнь его земная
Продлилась в языках народов мира.
И даже если власть его хоронит,
И служба есть для этого в наличье,
Какой-то жалкий критик¹ не уронит
Его невероятного величья!
Читатель мой – не циник и не нытик,
Прислушайся к словам моим пристрастным:
Осел тупой – пустоголовый критик –
Зря покусился на роман прекрасный!

Август 1953 г.

Роману «Абай»
Он ослепительной звездой
Взошёл, звуча струной кобыза,
Над нашей жизнью и судьбой
Во тьме Советского Союза.
Прохладный молодой кумыс,
Что утоляет жажду истины!
Он всех зовёт нас только ввысь –
Пронзительный и независимый.
Отныне несравним «Абай»
Ни с чем, написанным казахами,
Он прославляет отчий край
Своими золотыми знаками.
Он дарит миру и печаль,
И радостное вдохновение...
Ведь каждый, кто его читал,
Кто так надеется на лучшее,
Он вольный дух дарует всем,
С истории сорвав наручники...

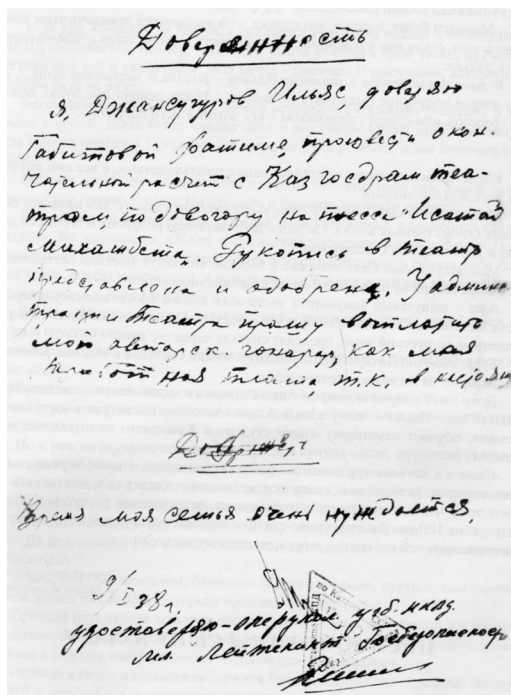
* * *

Моя судьба – страдание и мука.
За что клонюсь невинной головой?
Вся жизнь моя – великая разлука,
Ночная степь с осеннею травой...
Стихи Фатимы Габитовой

1937-му году
Мужа забрали, жена одинока –
Сосланы оба...
Руки заломлены, пахнет эпоха
Сыростью гроба...
Празднуют власть лишь
Одни бюрократы
И анонимы...
Горькое время – наши утраты
Невосполнимы...

Аксу
Мутная вода Аксу
Плеском волн волнует память.
Что же с прахом нашим станет? –
Далека моя Аксу.
Где же радость, где же свет?
Жизнь как клетка, рвусь на волю,
Но нигде спасенья нет –
Лишь могила в чистом поле.
Жизнь такую прокляну!
Мчит Аксу на перекатах...
Не забуду ни одну
Из дорог судьбы кровавых!
Смысла скрытого в словах
Не ищите – не удастся.
Горьки поиски впотьмах –
Не вернут бывшего счастья...
12 декабря 1963 г.

¹ Некий Никитин.

бусного парка. А Гульжамал Майлина приходила к нам, на Мира, 83, со своими детьми, а сами они жили где-то под мостом...

Новое здание СП Казахстана, везде толпится народ. Я пробираюсь в зал, мест нет, народу тьмища... Все волнуются, что-то говорят... Я дохожу почти до сцены, влезая на подоконник, благо он очень низкий, рядом кто-то примащивается...

На сцене длинный стол, за столом с микрофоном Габит Мусрепов... Он объявляет о начале заседания. Открывается боковая дверь, и на сцену поднимаются три женщины. Мусрепов предоставляет слово вдове Сакена Сейфуллина, потом выступает Майлина... всё идёт на казахском языке, и я почти ничего не понимаю, к сожалению... Тогда никаких диктофонов, съёмочных аппаратов у людей не было. И из-за шума в зале почти ничего не было слышно...

И вот слово берет Фатима Габитова. Когда встала она, элегантно одетая, величественная, с гордо поднятой головой, все замерли. Под гипнотическим взглядом её чёрных сверкающих глаз гомонящий зал моментально притих... Вскользь поблагодарив Хрущева и казахстанское правительство, она протянула руку в зал и, указывая в первый ряд сидящих, начала перечислять грехи одного за другим...

«Ты написал донос на Ильяса!», «Это ты присвоил его труды!..», «Это ты выгнал семью Ильяса из квартиры и занял её!»

Это было что-то неслыханное, грандиозное! Я сидела в восторге, не понимая и половины того, что происходило, но полностью разделяла её чувства...»

2017 г.

***

Мурат Ауэзов по приезде в Астану всегда останавливался в моей двухкомнатной квартире, одна из комнат предоставлялась ему. Однажды, в один из вечеров, этот мой дом-квартиру посетили Николай Аркадьевич Анастасьев и Гадильбек Шалахметов.

Из воспоминаний Ильфы Ильясовны Жансугуровой:

«Весной 1957 года реабилитировали Ильяса Джансугурова, Сакена Сейфуллина и Беимбета Майлина. Меня оставили работать на казахском отделении немецкого факультета института иностранных языков как дочь оправданного «врага народа». В доме Союза писателей Казахстана намечена встреча народа со вдовами «врагов народа» – Ильяса, Сакена и Беимбета.

Мне 22 года. И я почти ничего не знаю, но уже много пережито мной лично – это и ссылки в Семипалатинск, в Мерке, это и отчуждение родственников, это запрет поступления в высшие учебные заведения... Но уже я была знакома с Гульбахрам Сейфуллиной, с моей мамой я ездила к ней, она жила в бараках около трамвайно-троллейбусного парка.

Однако, не прерывая нити воспоминаний, излагаю всё по ступеням памяти.

12 февраля – день рождения известного литературоведа, доктора филологических наук Николая Аркадьевича Анастасьева (1940–2021 гг.) Так что между днём рождения выдающегося мэтра литературоведения и предстоящими сороковинами – неделя. Неделя воспоминаний. Имел честь знать этого человека. Слушать и слышать его неистовые речи во имя спасения и сближения культур и литератур. В Москве, Алма-Ате, Астане, в живописных местах Подмосковья, Иссыка, Тау-Тургеня, Иссык-Куля.

Родившийся в семье театроведа Аркадия Анастасьева, Николай сразу же после окончания школы поступил в МГУ и на протяжении многих лет преподавал там же. Творчество Томаса Вулфа, Уильяма Фолкнера, Эрнеста Хемингуэя, Артура Миллера стало основой его диссертаций.

И всё это, как и многое другое из жизни мировой литературы, осталось бы в рамках двадцатого столетия и всплывало бы бессмертными страницами из анналов библиотек, из ипшкренны литературного бытия, радуя читателей анализом американской и западноевропейской литературы.

Однако грянул 2000 год – год Дракона. Нулевое пространство этого года само по себе напоминало могучие кольца Дракона, вползающего в новый век и в новое тысячелетие, в год, где сошлись воедино все конфессии мира.

Кочевник века двадцатого, каким был и остаётся Николай Анастасьев, в своих книгах и своей судьбой зримо и осознанно нашёл своё кочевье в наших, казахских степях, в ландшафте неповторимой природы Казахстана, среди его обитателей – писателей и поэтов казахской земли.

Первая книга этой благородной темы – «Небо в чашечке цветка», посвящённая творчеству Абди-Жамиля Нурпейсова, патриарху казахской прозы, автору трилогии «Кровь и пот», удостоенной Государственной премии СССР (1974 год). Эта трилогия, впервые вышедшая на казахском языке в шестидесятые годы прошлого столетия, а затем, через перевод Юрия Казакова, была переведена на многие языки мира.

Но не только трилогия А. Нурпейсова стала предметом исследования Николая Анастасьева. Роман «Последний долг» в переводе Анатолия Кима был полностью проанализирован Н. Анастасьевым. И в этом романе были отчасти найдены, казалось бы, незримые нити родства с коллизиями европейского романа. Да и название научного труда Николай Анастасьев взял из строчки Уильяма Блейка «И небо в чашечке цветка», неистового поэта, художника и философа, утверждавшего в своих литературных произведениях, полотнах и философских трактатах несоответствие внутреннего состояния человека с окружающим миром.

Затем были частые приезды в Казахстан, который стал для Николая Анастасьева родным и близким, было погружение в жизнь и в судьбы Абая и Мухтара Ауэзова, гения казахской словесности.

На презентации, которая проходила в Доме-музее М. О. Ауэзова, кто-то из местных специалистов упрекнул Николая Анастасьева в несоответствующей авторской интерпретации ряда восточных значений и терминов. Возможно, кто-то другой на месте автора книги «Трагедия триумфатора» и проигнорировал это замечание, но только не Николай Анастасьев, в силу своей интеллигентности и благородства на молекулярном уровне. Вот что он ответил:

– Если бы вы в таком ключе затронули бы тему европейскую или заокеанскую, я с вами не только поспорил бы, но и ответил бы, как говорится, по полному шву. А здесь... – улыбнулся он. – Я только погружаюсь в тему. Спасибо за пожелания, учту!

И книга «Абай», и книга «Мухтар Ауэзов» вышли в первом десятилетии нового столетия в серии «Жизнь замечательных людей». Но мало кто знает об одном

уникальном моменте, связанном со сбором материалов этих книг и не только... Николай Анастасьев впервые посетил наши святые места, связанные с рождением Абая и Мухтара Ауэзова – Жидебай и Борили.

Посетил не в летнее время, когда путешествовать по степи одно удовольствие, а зимой в декабре-январе. Чтобы принять душой и сердцем эти места именно в морозные дни, когда температура зашкаливает за минус тридцать, познать не через книги, а воочию великие образы зимнего аула, которые дышат сквозь иней забвения со страниц стихов и песен Абая, и тетралогии Мухтара Ауэзова.

Вспоминается и одна поездка в Тау-Тургень, которую организовал Мурат Ауэзов. Наш писательский десант состоял из Николая Анастасьева и его супруги Ирины Яковлевны, литературного сотрудника журнала «Дружба народов», нашего наставника по Литинституту, а затем министра культуры России, посла ЮНЕСКО Евгения Юрьевича Сидорова и его супруги Веры Семёновны, литературного сотрудника, но другого московского журнала – «Вокруг света»; культуролога Мурата Ауэзова, знаменитого писателя и переводчика Анатолия Кима, политика и публициста Сейдахмета Куттыкадама, иранотаджикского учёного, директора издательства «Библиотека Олжаса» Сафара Абдулло, директора Дома-музея М. О. Ауэзова Диара Кунаева и вашего покорного слуги, вместе с Диаром Кунаевым уже издавшего больше десяти томов пятидесятитомника Мухтара Ауэзова.

По дороге заехали на знаменитый Исыкский курган, где когда-то был найден сакский Золотой человек, воин и правитель, скорее всего властелин одного из номов – округов. Смотритель Бекен, показывая на предгорные холмы Заилийского Алатау, убеждённо утверждал, что это отнюдь не холмы, а курганы былого величия.

Вот такой состоялся выездной круглый стол, на котором была намечена необходимость нового перевода романа-эпопеи «Путь Абая» и издания книг в ЖЗЛ. Одним словом, был прекрасный праздник мысли!

А на следующий день Диар Кунаев пригласил нас в дом Динмухамеда Ахметовича Кунаева, и все гости отметили скромность убранства дома члена Политбюро ЦК КПСС, долго и с интересом разглядывали его коллекцию зажигалок.

Одна из последних публикаций Николая Аркадьевича на исходе его земной жизни – это статья, посвящённая 175-летию Абая, опубликованная в «Литературной газете» и журнале «Простор».

И ещё об одном случае, связанном с этим удивительным человеком. Однажды, опять же зимой, когда я жил в Астане, а Мурат Мухтарович всегда останавливался в моей двухкомнатной квартире, стало известно, что прилетает из Москвы Николай Аркадьевич. Были его выступления в Евразийском университете и другие протокольные дела. Договорились с Муратом Ауэзовым, что можно свободный вечер провести в моей квартире. Барашка не стали резать, но в ресторане «Тифлиси», что расположен напротив моего дома, заказали хаш. Однако одно дело принимать это грузинское блюдо с коровьим копытом рано утром с похмелья где-нибудь летом в южном духане, и совсем другое – зимой, именно астанинской зимой, под русский национальный напиток. В этом и спасение от мороза, и внутренний обогрев тела и души.

К тому времени уже были изданы и книги Н. Анастасьева в ЖЗЛ, и была сотворена и издана в новом переводе эпопея «Путь Абая», и вышло уже тридцать томов полного академического собрания сочинений гения казахской словесности Мухтара Ауэзова.

Так что было о чём поговорить в этот зимний астанинский вечер. Вошли шумно, радостные и возбуждённые проведённой встречей со студентами Евразийского университета Николай Анастасьев, Гадильбек Шалахметов (поэт, жур-

налист, основатель телекомпании «Мир») и Мурат Ауэзов. Я в тот памятный день выступал на вечере поэзии в Конгресс Холле... Расположились на кухне под пары подогретого хаша. Поделились впечатлениями дня. Я прочёл своё стихотворение, посвящённое Марату Тажину.

*Из единого тюркского корня
Отчеканен наш образ в веках.
Нашей памяти чуткие кони
Проступают сквозь эпос в стихах.
Горстью проса я звезды посеял,
Птичий путь воссиял над копьём.
Из единого тюркского эля
Нам Вселенная вышла шатром.
Торим путь евразийского мира,
Свод небес над ладонью степи.*

*От Хан Тенгри до крыши Памира,
До Стамбула, Дамаска, Каира,
И на север до Третьего Рима
Крепим звенья единой цепи.
Тайный принцип святой пирамиды,
Солнцеглазая вера внутри.
Неизвестные миру флюиды
Растолкуют учёные гиды,
Конспектируя календари.*

Гадильбек, упрекнув, что поэты плохо читают, вновь прочёл, как говорит-ся, с чувством, с интонационными паузами...

– А что такое «эль»? – вдруг спросил Николай Аркадьевич, видимо, вспомнил английское пиво с аналогичным названием или испанский артикль.

– Ну вот, Бахытжан, объясни, пожалуйста, что такое эль – эль для казахов, – улыбаясь, попросил Мурат Ауэзов.

– Николай Аркадьевич, как сказать... Вот вы были в морозную зиму в Жидебае и в Борили, тем самым удивили местных старожилов своим этим посещением святых для нас мест. Это и есть эль – вечная земля и вечная Родина. Эль – это начало и корень нашего духа. И вы таким образом написали свои книги об Абае и Мухтаре Ауэзове.

День рождения и сороковины большого друга казахской литературы Николая Аркадьевича Анастасьева почти совпали с разницей в одну неделю.

В тенгрианстве есть понятие – свет полной луны. И этот свет Демиурга евразийского пространства светит нам, меняя фазу восприятия по времени и пространству, рождая в каждом из нас ответное чувство тенгрианства в наших душах и светлых помыслах.

Что ищешь-ждёшь, душа моя, что ищешь-ждёшь?

Это в моем переложении строка Абая: – Не іздейсің, көңілім, не іздейсің... Абай, о котором писал Николай Анастасьев.

Чайка Эрнара Ауэзова

У натуралистов-орнитологов, исследующих жизнь и поведение птиц, есть определённый научный процесс, который в своей основе несёт, на мой взгляд, и элементы поэтического свойства. Это – кольцевание птиц. Учёный-орнитолог, кандидат зоологических наук Эрнар Ауэзов, открывший в 1969 году новый вид – реликтовую чайку, так описывает результаты этого процесса: «Казахстанские учёные, окольцевавшие с 1968 года более двух с половиной тысяч птенцов реликтовых чаек, получили только три возврата. Одно кольцо через три месяца после кольцевания зарегистрировано в Абаевском районе Семипалатинской области – за 300 километров от колонии; второе снято с погибшей птицы недалеко – у посёлка Коктума, в юго-западной части озера Алаколь. И только третья, принадлежавшая молодой чайке, намекнуло о зимовье. Оно оказалось на озере Вайты-Лонг провинции Куангнинь в Северном Вьетнаме. Известны ещё три экземпляра реликтовой чайки в других коллекциях. Два из них добыты на юге Китая, в морском порту Тагу, и один – на озере Буир-Нор в Восточной Монголии». Какая поистине поэзия скрыта за этими сугубо науч-

ными фактами. И здесь сама собой напрашивается параллель между образом реликтовой чайки Эрнара Ауэзова и чайкой Джонатан Ливингстон Ричарда Баха – «это воплощение идеи безграничной свободы, воплощение образа Великой Чайки и ваше тело, от кончика одного крыла до кончика другого, – это не что иное, как ваша мысль». Действительно, предела нет научной или поэтической мысли, предела нет творческому дерзанию духа в преодолении времени и пространства.

И если углубиться в научно-поэтический трактат о реликтовой чайке под этим углом зрения, то страницы его увлекут вас лучами глубинного света авторского письма. Э. Ауэзов, несомненно, обладал литературным даром. Обращаю на себя внимание мастерски написанные пейзажи, окрашенные проникновенным лиризмом и любовью к родной земле. Природа для Э. Ауэзова – это, с одной стороны, объект исследования, а с другой – та естественная для человека среда, лучше и прекраснее которой ничего не может быть. Его пейзажи – это не красивые «инкрустации» научного текста, а органичная их часть. Поэтически дополняют это издание и фотографии Эрнара Ауэзова, на них запечатлены разные периоды жизни реликтовой чайки на озере Алаколь.

Инициатива издания небольшой книжки об этой чайке принадлежит Мурату Ауэзову, а также Диару Кунаеву и Магжану Ауэзову. Данное издание приурочено к шестидесятилетию со дня рождения Эрнара Мухтаровича Ауэзова, рано ушедшего из жизни, но оставившего нам свою реликтовую чайку.

По одному из народных преданий, душа ушедшего человека не умирает. Она переходит в образ птицы. В данном случае – в чайку. И здесь вновь будут уместны строки Ричарда Баха из его бессмертной новеллы: «Такие птицы, как ты, – редчайшее исключение. Большинство из нас продвигается вперед так медленно. Мы переходим из одного мира в другой, почти такой же, и тут же забываем, откуда мы пришли; нам всё равно, куда нас ведут, нам важно только то, что происходит сию минуту. Ты представляешь, сколько жизней мы должны прожить, прежде чем у нас появится первая смутная догадка, что жизнь не исчерпывается едой, борьбой и властью в Стае. Тысячи жизней, Джонатан, десять тысяч! А потом ещё сто жизней, прежде чем начинаем понимать, что существует нечто, называемое совершенством, и ещё сто, пока мы убеждаемся: смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об этом другим».

* * *

Вспомним после перевала Курдай, прощаясь с землями Кыргызстана, сцену из «Едиге Буранного» Чингиза-ага, когда траурная процессия похорон Казангапа приближается к родовому кладбищу и упирается в непреодолимое препятствие – колючую проволоку военной базы. Но у творчества всегда остаётся шанс – показать ход дальнейших событий – образом парящего над степью орла.

В предраусветных сумерках мелькнул указатель «Юпа», а дальше, слева в сторону Отара, укрылось урочище Тамгалы-Тас, петроглифы, наскальные изображения этих сакральных мест вошли в знаменитую книгу «Гравюры на скалах» (1979 г.) Алана Георгиевича Медоева. Эта книга стала открытием в научном мире.

В день его похорон Мурат Мухтарович, не скрывая слез, говорил: «Осетин по крови, по духу своему это был великий гражданин Казахстана, всей душой воспринявший не только его огромные просторы, но и историю, и судьбу народа, живущего здесь испокон веков. Его книга “Гравюры на скалах” – гениальна, и время подтвердило это. Её лапидарный текст глубок по содержанию

и являет собой совершенную композиционную целостность информативного, аналитического и просветительского начал».

В 1997 году я побывал в Финляндии по линии ПЕН-движения и там познакомился с поэтом, модератором различных литературных мероприятий Юккой Маллиненем. Он когда-то учился в Питере, хорошо владел русским языком. Там, при знакомстве, подарил ему только что вышедшую книгу Мурата Ауэзова «Иппокрена». А через год Юкка Маллинен вместе с двумя представительницами Финского и Шведского Пен-клубов приехал в Алматы. Кажется, одну из них звали Сильва Мирен, а другую Джудит Херзберг.

Юкка сразу же попросил, чтобы я познакомил его с Муратом Ауэзовым, сказав, что досконально изучил его «Иппокрену». Мы все вместе с Муратом Мухтаровичем поехали в урочище Тамгалы-Тас. Была долгая, незабываемая беседа у костра. Юкка Маллинен философски заметил, что мы с Финляндией почти соседи, нас разделяет только одна страна – Россия. А где-то через год Мурат Мухтарович по приглашению Финского ПЕН-клуба поехал в Хельсинки, где выступил на английском языке о современной ситуации в Синьцзяне. И привлёк внимание международной общественности к судьбе выдающегося казахского писателя Кажыкумара Шабдана, осуждённого по политическим мотивам и тридцать с лишним лет отбывающего срок в китайских лагерях и тюрьмах.

По личной просьбе Мурата-ага я издал в тот период две книги с его предисловием. Одна из них – это книга стихов Ирины Фетисовой «Я не писала о любви». Она вместе со своим мужем, юристом с мировым именем, в прошлом выдающимся спортсменом и крупным государственным деятелем Эстонии, профессором Кинг-колледжа в Лондоне и представителем ООН в Центральной Азии и Казахстане Рейном Мюллерсоном, не раз бывала в наших краях.

Рейн Мюллерсон детские годы провёл в эстонском хуторе, и там, в сторожке, обнаружил книгу Мухтара Ауэзова «Путь Абая» в переводе на эстонский язык.

Как он утверждал, всё детское лето он провёл за чтением этой книги. И быть может, эта «энциклопедия жизни казахов» гения казахской словесности Мухтара Ауэзова и послужили своеобразным толчком к познанию нашего края, куда он с большим удовольствием и почтением приезжал вместе с поэтессой Ириной. Рейн по приезду в Алматы сразу же устремлялся в баню «Арасан», а затем, после парной, русской, финской, турецкой, и полного массажа наслаждался кумысом и шубатом в компании Мурата Ауэзова и меня.

Рейн Мюллерсон после частых посещений и подолгу бывая в наших нomaдских местах, написал и опубликовал довольно объёмную книгу на английском языке, полностью посвящённую Центральной Азии и Казахстану. Многие страницы этой книги «дышат» беседами с культурологом Муратом Ауэзовым, есть страницы, посвящённые нашему общению и пению Гульнар.

«Почитайте стихи Ирины, – пишет Мурат Ауэзов. – Нет смысла пояснять что-либо в связи с её творчеством. В её поэзии нет опосредованного, так называемого “лирического” героя. Стихи Ирины – это она сама, её боль, её любовь, её нерасторжимая связь с Творцом, природой, родиной, родными, друзьями, с собственным детством, проведённым в Таллине, с грандиозным миром музыки и литературы. Стихи Ирины Фетисовой-Мюллерсон – это язык самой Любви, и потому они жизнетворящи. Адресованы они душе человека, в которой, по её убеждению, “божества оживают”. Так действовали в поэзии суфии, в том числе, наши, центральноазиатские. Хорошие стихи желанны везде. Но то, что создаёт Ирина, особенно востребовано в Казахстане, ибо смятение душ – из числа наших реальностей, а преодоление смятения – желанная, истинно желанная перспектива».

Мурат Ауэзов, да и я с Гульнар, в разные годы ездили к ним в Лондон. И всегда при долгожданной встрече Рейн Мюллерсон сердечно вспоминал далёкие годы детства, когда в глуши эстонского хутора он читал и перечитывал «Путь Абая» в переводе на эстонский язык. Воистину, пути Господни неисповедимы!

* * *

А второе предисловие Мурата Ауэзова – это напутственные слова в прекрасной книге Олега Дильмухамедова «Древности страны гор и степей» (2008 год).

«Человек дороги и человек пути, конечно же, не одно и то же. Человеку пути порой приходится идти по неосвоенным маршрутам, по бездорожью – во имя целей, к которым его подвигли обстоятельства и осознанное им своё предназначение.

На долю Олега Дильмухамедова, автора предлагаемой вашему вниманию книги, выпало редкое – сочетать в себе превосходное знание огромного количества русел и рукавов её величества евразийской Дороги с неуклонным, временами драматичным и жертвенным, шествием по изломанным рельефам избранного Пути духовности.

История – одновременно и злой, и добрый гений семьи Дильмухамедовых. Отец Олега, крупный историк Ельтоқ Дильмухамедов, попавший под циничные политические репрессии пятидесятых годов прошлого века, дал сыну имя Атилла, что было в той ситуации проявлением гражданского мужества и, вместе с тем, неуступчивой воли учёного, пожелавшего через детей своих продолжить изучение подлинной истории тюркских народов. Этому завету отца достойно следует не только Олег, но и его сестра Эльза, снявшая самый содержательный фильм о великом Л. Н. Гумилёве.

Идущие стезёй непроторённой, не поощряемой средой современников, всегда находили приют у Природы и обретали в ней защитницу, если умели её рассмотреть, услышать, прочувствовать. Многие годы дружбы и совместных экспедиций с Олегом дают мне основание утверждать, что его бесконечные, иногда успешные, чаще – безысходные усилия спасти, сохранить естественный животный и растительный мир благодарно ощущаются самой Природой, и она, безусловно, благоволит ему, одаряя время от времени роскошными открытиями, как это было, к примеру, с реликтовым прибалхашским чудо-грибом.

Ещё одним качеством «одинокого бегуна на дальние дистанции» обладает Олег: он умеет сотворять и пересотворять локальный мир своего обитания в соответствии с импульсами собственного жизненного пути, никогда при этом не путая подлинные ценности с мнимыми.

Вот таким – серьёзным, удачливым историком-поисковиком с ярко проявленной в нем склонностью к просветительской деятельности, первоклассным знатоком природы и экспедиционных маршрутов, надёжным в дружбе, глубоким в интеллектуальном сорабничестве – был и остаётся Олег.

В его жизни был период, о котором, наверняка, он вспоминает с благодарностью. Общество охраны памятников истории и культуры Казахстана в восьмидесятые годы стало центром притяжения для многих гуманитариев, ощутивших потребность в преодолении идеологизированной официальной истории. Руководители Общества Шота Валиханов, Ануар Алимжанов, Абдильда Ботпаев, несомненно, и сами были людьми “инакомыслящими”. При их негласном патронаже велись вольные беседы, имена участников которых невозможно называть без высочайшего уважения – Алан Медоев, В. Юдин, А. Сатаев, Н. Масанов, Н. Ровенский, Б. Ибраев, М. Сембин, М. Абусейтова и многие, многие другие.

Проводились “Валихановские чтения”, стал издаваться альманах “Мирас”. Тогда же была осуществлена силами Общества первая в Советском Союзе комплексная экспедиция по Великому Шёлковому пути. Во всех этих действиях Олег принимал самое активное и результативное участие. И, разумеется, для него это была высокая гуманитарная и гуманистическая школа, верность принципам которой он несёт через всю жизнь.

Приезд Юкки Маллинена. Тамгалы, 1998 год

В наших руках замечательная книга. Язык её искренен, ясен и в этом смысле, предполагаю, тождественен языку обращения Олега к природе и истории. Книга светла, добра и плодоносяща, как его сегодняшние дом и сад».

* * *

За долгие годы общения с Муратом Ауэзовым мне удалось дважды воплотить его образ в полном объёме в документальных фильмах «Балхашская сага» (1990 год) и «Странник осевого времени» (2022 год).

В «Балхашской саге» (режиссёр Р. Альпиев, сценарий мой) в монологе Мурата, а затем диалогах-беседах с отшельником Имантом (Ивонтом) Андерсеном дана панорама жизни Казахстана конца девяностых годов с ретро-выходами на далёкое прошлое Южного Прибалхашья, что служит раскрытием внутреннего мира одинокого человека в песках, раскрытием личности и личностного взгляда, когда из колодца времён всплывает эхо познания и дерзания человеческого духа.

Вот как вспоминает о нем Олег Дильмухамедов:

– На обратном пути, как и планировали, заехали к шведу Андерсену. Хижина, в которой он жил, находилась в 20 км от посёлка и была единственным обитаемым жильём в этом районе. Она представляла собой спрятанную в песках небольшую мазанку, вокруг которой было чисто прибрано. Поленица дров, стопки камыша и готовых матов были аккуратно уложены. Рядом с ними громоздилось какое-то подобие верстака, сбитого из старых, нетёсаных досок. Бросался в глаза высоченный шест антенны, каким-то чудом державшийся на крыше. Как потом выяснилось, именно эта далеко видимая антенна и была основным ориентиром для многих путников. На прилежавшей к хижине местности в зарослях шингиля были заметны следы каких-то строений. На шум подъехавшей машины к нам вышел пожилой мужчина. На вид ему было около 60, среднего роста, худощавый, скорее жилистый, с большими натруженными руками и твёрдой осанкой. В глаза бросались его чисто выбритое лицо с аккуратно стриженной бородкой и опрятная, хотя и сильно поношенная одежда. Узнав о цели приезда, Швед Андерсен провёл нас к месту, где находил керамику. Это была небольшая выветренная в барханах впадина. Вся её поверхность была усеяна фрагментами уже знакомой керамики. Но это были не единственные следы былой цивилизации. Здесь же нашли орудия труда каменного века – ми-

кролиты в виде кремнёвых наконечников стрел, ножевых пластин, проколов и отщепов, датируемых IV–III тысячелетиями до нашей эры. Видимо, задолго до средневекового поселения на этом месте была неолитическая стоянка, культурный слой которой обнажил всё тот же ветер. Потом он не раз преподносил нам сюрпризы: то приоткроет занавес песков, предоставив изумлённому взору целые очаги средневековой культуры, то запрячет уже известные.

Так благодаря шведу Андерсену нам повезло открыть самый древний памятник материальной культуры в Южном Прибалхашье. Он же объяснил нам, откуда взялись следы строений. Лет за 30 до его приезда воды озера Балхаш вплотную подходили к этому месту, и здесь располагался рыболовческий стан. Потом вода ушла, стан был заброшен. Единственным напоминанием о нем была эта полуразвалившаяся хижина, которая и стала его пристанищем.

По ходу обследования памятника мы разговорились. Осведомлённость Андерсена поражала. Он был в курсе многих событий, происходящих в стране и мире, вступал в полемику, был убедителен. За несколько дней, проведённых вместе, мы подружились. Особенно он был рад встрече с Ауэзовым. Он слышал Мурата по радио, читал статьи и теперь мог обсудить с ним все накопившиеся и волнующие его вопросы.

Исследовательская работа в Прибалхашье продолжалась до 1991 года. Всё это время мы навещали Ивонта, доставляя ржаной хлеб, батарейки для приёмника и что-нибудь из интересующей его литературы. Особенно он был рад приезду Ауэзова. У них всегда находились темы для серьёзного обсуждения, которым порой посвящался не один вечер. Мурата поражала его эрудиция, отношение к природе и своя философия жизни. Именно с его подачи киностудия «Казахфильм» снимет об Ивонте два полнометражных документальных фильма – «Шпион» и «Балхашская сага». А когда к нему приехал его коллега, французский писатель Жан Молори, автор книги о жизни эскимосов, среди которых он прожил два года, Мурат расскажет ему о нашем отшельнике. Жана тронет судьба Андерсена, и он захочет встретиться с ним. Лучшего места, чем у знакомого чабана Нарбая, Мурат и придумать не мог. Он жил там же, в Балхашском районе, в живописном для пустыни урочище, где вместе с сыновьями пас совхозный скот. Их небольшой саманный домик был спрятан в барханах, вблизи заросшей камышом протоки. В ней водилась рыба. Навещая Нарбая, Мурат любил посидеть там с удочкой. Сам Нарбай был охотником, но охотился по старинке, используя одни капканы. Они достались ему от отца, тому – от деда, и он очень дорожил этой памятью. Когда приходило время, Нарбай запрягал ослика, брал связку капканов и ещё до восхода солнца отправлялся в дорогу. Где он их ставил, никто не знал, но на это уходил целый день. Потом проверял и ждал, когда кто-нибудь попадётся. Обычно это были косуля или джейран.

С ними жила его мама Укибала-апай. Она была старенькой, едва ходила и совсем не видела. При этом всегда находила себе занятия, на ощупь плела из шерсти нити или что-то из них вязала. Если и отвлекалась, то на лежавшую рядом домбру, с которой не расставалась с детства. Правда, играла уже с трудом. Это сейчас так, а было время, рассказывал Нарбай, когда она, известная в районе кюйши, состязалась с самой Диной Нурпеисовой.

Убедившись, что Нарбай будет рад видеть гостей, Мурат уехал за Жаном, а я должен был привести к нему Ивонта. Оказалось, это непросто. Он словно прирос к своему месту, сорвать с которого, пусть ненадолго, было трудной задачей. Пришлось уговаривать, убеждать, объяснять ситуацию. Только из уважения к Мурату он, наконец, согласился и впервые за тридцать лет, оставив избушку, сел в машину и выехал за пределы Караоя. Нас уже ждали. Кроме Жана там

была его переводчица и кто-то из Союза писателей. К сожалению, я сразу уехал, и только со слов Мурата знаю, что всё было на высоте: и радушие хозяев, и обстановка, и царившая там атмосфера.

После завершения работ виделись с Ивонтом редко. Последняя такая возможность представилась осенью 1997 года, когда на несколько дней застряли по делам в райцентре Балхашского района. Преодолев за ночь разделяющее нас расстояние, подъехали к хорошо знакомому жилью. Ивонта дома не оказалось. Дверь хижины, как обычно в таких случаях, подпирала жердь. К сожалению, ждать времени не было. Оставив предназначенные ему коробки с ржаным хлебом, мы прошли к месту, где была обнаружена неолитическая стоянка. Её вместе с керамикой уже присыпало песком. Вскоре, по дошедшим до нас слухам, Ивонт всё же оставил хижину и переехал жить в какой-то посёлок. Но почему не в Караой, мы так и не узнали. Связь прервалась, и дальнейшую судьбу нашего Дерсу – так в своём кругу называли шведа Андерсена, проследить не удалось.

С тех пор прошло много лет. Мурату уже восемьдесят. Даже не верится. Хотя чему удивляться, сам стою на этом пороге. Просто душа противится, не хочет принимать этой данности, всё рвётся в дорогу. Надеюсь, что остановка в пригороде ещё не конечная, что дождусь своего попутчика, сядем в машину и отправимся снова в путь. О маршруте даже не думаю, вернёмся в Южное Прибалхашье, ступим на древний путь и разбудим дремавшие там пески.

Р. С. В 2014 году городище Карамерген внесут в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

* * *

Пацифист из Караоя Имант Андерсен и культуролог Мурат Ауэзов естественным образом дополняют друг друга в своих беседах, запечатлённых на стыке веков и тысячелетий: в последний год страны Советов.

Известный критик и литературовед Георгий Гачев в одной из своих работ, посвящённых творчеству Чингиза Айтматова, характеризуя духовное кредо Едигея, задаётся вопросом: «Момент в истории общества может быть благоприятен для личности и честной жизни, но может быть и неблагоприятен, однако категорический императив Совести повелевает: в тебе, человек, заложено, как компас, абсолютное мерило, и не давай себя сбить с курса всякими относительностями и условиями, обстоятельствами, торгашескими сделками с совестью. Так как же прожить жизнь по истине и совести, лично и счастливо – независимо от помех или помочей обстоятельств?»

Параллель между Едигеем Буранным и шведом Андерсеном, постоянно проживающим в Южном Прибалхашье, вблизи посёлка Караой, не случайна.

Что может десятилетиями удерживать этих людей на суровом клочке земли? Что заставляет их по доброй воле сносить физические муки, трудиться часто на пределе человеческих сил и возможностей? «Чтобы жить на сары-озекских разъездах, надо дух иметь, а иначе сгинешь». Ощущение в себе этого «духа», я бы сказал, «стержня», рождает ощущение своей нужности в мире. Есть такая порода людей, духовно прочных и надёжных, которые впитывают в себя эти чувства словно бы с материнским молоком. Вот что сближает Едигея и шведа Андерсена с одним лишь различием: образ Едигея рождён силою таланта Чингиза Айтматова, хотя многие находят в нём черты своих отцов и дедов, а образ Андерсена реален, силою самой судьбы вписан в ландшафт природы, духовной и неразрывной частью которой он себя считает, и своим существованием вносит определённые нравственные коррективы в среду нашего социального бытия, разрушая тем самым установившееся стереотипы жизнеобитания.

Кто же он, швед Андерсен из Южного Прибалхашья?

Вот уже около четверти века живёт он примерно в десяти километрах от посёлка Караой. Занимается резкой камыша и вяжет из него маты, которые идут на строительство кошар. Качественно и со знанием дела выполняет эту работу. Все близлежащие кошары покрыты этими матами. Говорят, что знает английский, немецкий, шведский языки. В совершенстве владеет русским и казахским. Может быть, неосознанно, но являет собой образ активного пацифиста, своим миротворчеством выражая протест, видя, к каким катастрофическим последствиям ведёт безумная власть человека над Природой, потребительское отношение к ней со стороны технократа. Не только сохранить очаг этой природы, но и в мыслях, и в поступках жить в гармонии с ней. Даже то, что он, проживая в десяти километрах от посёлка, отказывается от транспорта и ходит туда пешком, чтобы закупить продукты и взять периодику – характеризует его как человека, верного своим принципам. Швед Андерсен не любит начальство, но знает почти всех детей по именам и пользуется искренним уважением среди всего населения посёлка Караой. Швед Андерсен сделал свой выбор. Ценою тяжёлой жизни и изнурительным трудом. Уход через добро, сохраняя уважение к местности.

Эти скупые фразы уже в какой-то мере раскрывают нам некий феномен человека.

А само знакомство со шведом Андерсеном началось с текста телеграммы, которую он прислал сотруднику Казахского общества охраны памятников истории и культуры О. Е. Дильмухамедову. Из этой телеграммы узнали, что приходящие ветры сдвинули барханы – и обнаружили предметы позднего палеолита. Необходимо отметить, что поздний палеолит Южного Прибалхашья – это белая карта в археологии страны. Вот что об этом пишет двадцатитомная «Археология СССР»: «Поздний палеолит Казахстана известен пока ещё слабо по сравнению с широко изученными здесь мастерскими памятниками. Это обстоятельство трудно объяснить слабой исследованностью региона, но вместе с тем число позднепалеолитических местонахождений медленно, но верно растёт, и это даёт основания для оптимистических прогнозов. Данных о неблагоприятных условиях для заселения во второй половине верхнего плейстоцена нет. Возможны два предположения: или памятники разрушены природными процессами, или залегают в лёссовых толщах на большой глубине, и открытие их – дело счастливого случая».

Нам представлен именно такой случай благодаря телеграмме шведа Андерсена. О том, как буквально за час перед закатом были обнаружены в том месте до тридцати предметов позднего палеолита Южного Прибалхашья (наконечники, стрелы, редкие резцы, скреблообразные орудия), поведал Олег Дильмухамедов, подкрепляя свой рассказ показом найденных предметов.

Тот же том «Археологии СССР» пишет об изысканиях А. Г. Медоева, чей вклад в общекультурный процесс в Казахстане до сих пор не оценен должным образом. Думаю, что необходим фильм, чтобы поведать о шведе Андерсене и об Алане Медоеве, посредством киноязыка опозитизировать на экране петроглифы, ибо наскальные изображения Северного Прибалхашья, Северо-Восточного и Юго-Западного Прибалхашья, являясь зримыми знаками времени, обогащают видеоряд любого научно-популярного фильма.

Общий пафос и настрой будущего фильма можно выразить следующими словами Александра Блока: «На бездонных глубинах духа, где человек перестаёт быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, – катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим Вселенную: там идут ритмические колебания, подобные

процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир».

Если даже наша планета Земля, погубленная суетными страстями и деятельностью рассудка людей, исчезнет с лица Космоса, эти таинственные звуковые волны, о которых говорил Александр Блок, этот голос Природы, для которой Земля со всеми её людьми – лишь молекула во Вселенной, останутся. Люди приходят и уходят. Гармония остаётся. А значит, остаётся и Жизнь, и природный призыв к Жизни. Человек не должен считать себя венцом творения, ибо он сам себя произвёл в венцы. Признание власти Гармонии, власти Космоса над трагическим миром. «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – звёздное небо надо мной и моральный закон во мне» (Иммануил Кант).

Вспомним книгу Ч. Айтматова «И дольше века длится день»: «Небо обваливалось на голову, разверзаясь в клубах кипящего пламени и дыма... Человек, верблюд, собака – эти простейшие существа, обезумев, бежали прочь. Объятые ужасом, они бежали вместе, страшась расстаться друг с другом, они бежали по степи, безжалостно высветляемые гигантскими огненными сполохами. Но как долго бы они ни бежали, то был бег на месте...»

Вспомним, слушая монологи самого шведа Андерсена, как к нему прибежал от какого-то ужаса заяц, как чувствовал биенье его сердца в своих ладонях, как пришла с раненой лапой лиса и долго жила у него. И эти монологи перемежаются сообщениями ТАСС об очередных испытаниях, очередных атомных взрывах под землёй Казахстана, документальными кадрами взлёта ракеты с космодрома Байконур, а также безмолвной музыкой звёзд.

Именно такой видеоряд возможен при монологах, диалогах и дикторском тексте этого фильма. А возможные варианты выглядят ориентировочно так:

Тень вертолёта мчит по поверхности бескрайней воды, дробясь о волны, исчезает в камышах и вновь нависает над барханами, пробегает стая сайгаков, их частые следы в песках, росчерк полёта ястреба... и это всё как бы отражается в неподвижных глазах ящерицы...

Скорлупа пустого яйца дикой птицы, тень этой птицы на предутреннем песке... Словно из этой скорлупы восходит над озером солнце...

По пескам катится эбелек – перекасти-поле. Клонится шар солнца за горизонт. Костёр. Пляшущие языки пламени. Максимальный отъезд от костра в песках – до мерцающей точки света, затем наезд: эта точка света – вспыхнувший глазок радиоприёмника, слышны радиоголоса разных частей света...

Наскальные изображения, иллюстрации из книги А. Медоева «Гравюры на скалах», аналогичные наскальные изображения в Бохуслене (Швеция), камни-стелы на острове Готланд, шелест камыша («У камыша есть уши»), шум озера, звуки органа...

Необходимо раскрыть несколько метафор. Существует версия, что дорога на Караой – это дорога в никуда, северное ответвление Великого Шёлкового пути (Край света). Исходя из этого посредством фильма необходимо доказать, что эта дорога ведёт к Человеку, каким и видится нам швед Андерсен. Также раскрыть метафору его труда. Он изготавливает маты, которыми покрывают кошары. То есть дары и продукт природы использует на защиту существ природы (камыш и овцы).

Из всего этого проступают контуры нашего фильма. Это – активный пацифизм главного героя, швед Андерсен и окружающая его местность со своим прошлым (археология) и настоящим (атомные испытания, космонавтика, тя-

жёлтая жизнь местного населения, экология), параллель между Едигеем Буранным и Андерсеном в их нравственных началах, параллель между А. Г. Медоевым и Андерсеном, связующим звеном которой является их отношение к прошлому данной местности, личностное отношение авторов и действующих лиц фильма к главному герою. И это объединительное начало дано участием и соучастию Мурата Ауэзова.

В фильме могут быть использованы стихи шведских и казахских поэтов, фольклор этих народов, выдержки из книг Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», П. Т. де Шардена «Феномен человека» и других авторов. Даже такая деталь, как грусть шведа Андерсена, когда он вспоминает о ломте чёрного ржаного хлеба, вносит свою роль в финал фильма.

«Балхашская сага» – это фильм не только об одном человеке. Это фильм о прошлом и настоящем Южного Прибалхашья, о людях, которые жили и продолжают жить в этом суровом краю, о нас с вами, о нашем сложном и очень противоречивом веке. *Это фильм о главном скандинаве Прибалхашья, шведе Иманте Андерсене.*

Документальный фильм-интервью «Мурат Ауез: странник осевого времени» содержит диалоги культуролога и странника осевого времени Мурата Ауэзова. Попытки преодоления народом исторического молчания, обретения голоса, превращающего слово в пророчество, а молчание истории кочевников – в симфонию освобождения исторической памяти.

Фильм «Странник осевого времени» полностью посвящён летописи и биографии Мурата Ауэзова за последние шестьдесят-семьдесят лет. Мы с Игорем Крупко (соавтор фильма) долго не знали, от чего оттолкнуться. Было отснято уже очень много сцен, бесед, интервью, а интонационный ключа всё ещё не было в нашем творческом арсенале. И здесь, можно сказать, случайно обнаружили одну из цитат Конфуция – «Если в повозке нет оси, как можно на ней ездить?».

Мурат Ауэзов в силу своего образования (китайское отделение Института восточных языков при МГУ) не раз сверял своё восприятие мира по Конфуцию. Где-то так был создан этот фильм «Странник осевого времени», который выставлен на сайтах Центра сближения культур и Национальной библиотеки РК. Запросили этот фильм и заокеанские культурологи США.

Историческая фигура Мурата Ауэзова завораживает любого, кто осмелится понять этого человека. не только даром Слова (которое было в начале), но и хронологической щедростью, дарующей его читателям и слушателям достоинство исторической памяти.

За прошедшие 30 лет он был и остаётся одним из немногих, возвышающих голос против любой несправедливости. Его многочисленные инициативы на постах президента Фонда «Сорос – Казахстан», директора Национальной библиотеки РК, Лидера общественного движения «Азамат», председателя Фонда им. М. О. Ауэзова, председателя редакционной коллегии культурологического альманаха «Рух-Мирас», создателя проекта «Беседы на Великом Шёлковом пути» во многом сформировали культурный ландшафт страны, создавая спасительные пространства подлинной свободы духа и диалога истории с актуальной современностью.

Это фильм о нашем современнике, культурологе Мурате Мухтаровиче Ауэзове. Фильм был выставлен на канале Национальной библиотеки Республики Казахстан в декабре 2022 г. <http://youtu.be/-lbktoyp17A>. Премьера фильма состоялась в Национальной библиотеке РК и Международном центре сближения культур под эгидой ЮНЕСКО.

Авторы фильма – Бахытжан Канапьянов, Игорь Крупко.

Фильмы «Балхашская сага» и «Мурат Ауез: странник осевого времени» были отмечены призами на Международном фестивале документальных фильмов в Швеции (1991 год) и поставлены в видеотеку библиотеки Конгресса США.

* * *

В книге Олега Дильмухамедова есть и глава «Швед Андерсен». В этой книге, небольшой по объёму, есть интересные записи о ландшафте этих земель Жетысу и Южного Прибалхашья, о происхождении родов и племенах Жалаир, Найман, Дулат, Уйсунь, Керей... О кумбезах и захоронениях святых предков этого божественного края. Причём записи сделаны самими воспитанниками Олега Ельтоковича.

Вот запись беседы со Львом Николаевичем Гумилёвым, сделанная О. Дильмухамедовым и его учениками по познанию истории родного края.

Незабываемая встреча

В 1987 году нам здорово повезло. Моя сестра Эльза, снимавшая документальный фильм о методах внешкольного воспитания на примере нашего клуба, организовала встречу с величайшим учёным современности Л. Н. Гумилёвым. Он любезно согласился на участие в фильме, съёмки которого должны были проходить в Эрмитаже. Расходы на поездку в Ленинград взяло на себя Общество охраны памятников, истории и культуры. В одном из просторных залов музея были выставлены уникальные находки Пазырыкских курганов Алтая, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э. Здесь мы встретились с Львом Николаевичем. Как оказалось, он сам принимал участие в раскопках этих курганов и по нашей просьбе рассказал об этом удивительном открытии: «Я думал, что на большой высоте над уровнем моря, где находятся эти курганы, должна быть лучшая сохранность предметов. Потому что под курганами, где тепло и куда проникает влага, все предметы естественно истлевают, как всякие вещи. В эти курганы также проникала влага. Но первый же курган показал блестящие и неожиданные результаты. Влага, которая туда проникла, замёрзла, и внутри кургана был огромный, совершенно чистый зеленовато-синий куб льда. Задача заключалась в том, чтобы этот лёд растопить и вынуть то, что лёд сохранил от всепоглощающего времени. Правда, первые раскопки С. И. Руденко не удалось довести до конца. Его вызвали в Ленинград, и к науке он вернулся через много лет. И Руденко снова поехал на Алтай, куда без него никто не ездил, и я ему сопутствовал, работая с ним.

Третий курган был раскопан мной лично под его руководством с помощью местных жителей и главным образом детей вашего возраста. Мы аккуратно разбирали каменную кладку, вернее, набросанный камень. Уносили его на носилках. Мы вскрыли внутренние камеры, собирали сучья, кипятили воду, лили её на лёд, чтобы он постепенно растаял. Вот благодаря этому появился замечательный комплекс, выставленный в этом зале Эрмитажа. Кто были эти люди, когда были созданы эти курганы? Это удалось узнать по исследованию срезов деревьев. Есть такая наука дендрохронология, которая позволяет выяснить, в какое время эти деревья были срублены. К этому был добавлен радиоуглеродный метод, который показывает, когда погиб организм. Выяснилось, что курганы возвели в VI–V веках до нашей эры, когда ни сарматов, ни гуннов, ни саньбийцев не было. Эти курганы построили скифы, жившие в казахских степях, в Джунгарии, и по-персидски назывались «саками». В дальнейшем им пришлось отступить под натиском новых

народов – сарматов, гуннов, и они ушли в Индию. Сейчас их потомки живут в долине Инда. А это место очень сходно по своим ландшафтным особенностям и климату Средней Азии. Такое впечатление, говорят побывавшие там люди, что из Туркмении опять приехали в Туркмению. Только вместо Амударьи течёт Инд, а пески и солнышко такие же».

Мы провели со Львом Николаевичем незабываемый день. Ему импонировали любознательность и подготовленность ребят, и он охотно отвечал на их многочисленные вопросы. Когда они касались спорных мнений, в частности обичая кремации у тюрков, начиналась дискуссия.

На вопрос Мухтара о едином казахском народе он ответил: «Было три больших племени, населявших современный Казахстан. На северо-востоке – кипчаки, на юге, между Балхашом и Аральским морем, – канглы, примерно на Эмбе и Яике жили гузы. Они постоянно воевали друг с другом, пока не были захвачены монголами. Но монгольских ханов и их воинов было немного, поэтому они стали принимать всех местных жителей в свои войска без различия – кипчаки это, или канглы, или гузы. Образовались три большие орды с царевичами-чингизидами. Золотая Орда – на Волге. Синяя Орда, где кочёвки были от Тюмени до Мангышлака, и Белая Орда, из которой вышли казахи от Тарбагатай до Алтая в Восточном Казахстане. К XV веку монгольские ханы потеряли власть, выродились, вообще исчезли, но их потомки сохранились в Казахстане и назывались ак-суек – белая кость. Ни политического, ни социального значения они не имели. А местные жители-казахи, которым под властью монголов никто и никогда не мешал заниматься скотоводством, ремеслом, культурой, создали большой этнос. Сначала на востоке – это Улус Жуз – Старшая Орда, потом Орта Жуз – в Центральном Казахстане, а потом, когда нужно было расширить свои пастбища, отвоевали у туркмен Западный Казахстан – Киши Жуз. Всё это было в XV веке».

– Откуда произошёл этноним «казах»?

– Казаками называли очень большое количество народа, а главным образом тех, кто не подчинялся центральной власти. На Днепре казаками назывались те украинцы, которые ушли в Запорожье, не подчинившись польскому королю. На Дону казаками назывались те люди, которые в древности носили название бродники – славяно-хазарская смесь. Они не подчинялись Московскому царю. Те, которые не подчинялись татарскому хану в Сарае, стали называть себя казаками. Казак – это одно слово, букву «х» пишут для отличия, а вообще правильно писать «К». Казак означает – человек свободный, вольный, который не подчиняется начальству.

– Как известно, казахский народ состоит из многих племён, в числе которых аргыны, найманы, канглы, уйсун, кипчаки и другие. Можно ли его считать суперэтносом? – спросил Мейр.

– Нет. Все эти народы субэтносы, входящие в единый казахский этнос. Суперэтносом является объединение казахов с татарами, монголами и даже с русскими. Долгое время русские и казахи смешивались. Те русские, которые оказывались в казахских степях, оставляли казахских детей. А казахи, которые приезжали в Москву на службу, оставляли русских детей, которые имели казахское происхождение. Сколько же русских фамилий имеет тюркское происхождение? Кутузовы – кутуз, Суворовы – это по-персидски сувор – всадник, Тютчев – тут-чи. Перечислять времени не хватит.

– Меня зовут Найман. Я ношу имя племени найманов. Я хотел бы узнать, откуда они пришли, от тюрков или монголов?

– Я объясню. В древнее тюркское время, когда ещё существовал Великий Каганат, каждое племя носило два названия: одно собственное, а другое по числу

родов, которые в него входили. Найман – это монгольское «восемь». Восьмиплеменный союз был только в Восточной Маньчжурии. И назывался помимо этого «ктай». И вы знаете, что в Семиречье жили каракитаи, эта часть племени «ктай», которая не подчинилась джунгарам и ушла. По историческим данным, северная часть каракитаев отделилась и сохранила своё старинное название «найман». Найманы долго воевали с Чингизханом, и монголы их победили. Монголы побеждённых не убивали, а зачисляли в своё войско. И вот найманы, жившие среди тюркских народов, забыли свой язык и стали говорить по-тюркски.

Джамиля: – Откуда, от каких племён произошли татары и что означает слово «татарь»?

– Татары – бродячий этноним. Сначала татарами называлось племя, жившее на берегах Керулена в Восточной Монголии. Оно было довольно многочисленным – тридцать родов Отгуз. Татары воевали против Чингиз-хана, и он их покорил. Многих порубил, а большую часть мобилизовал в войска и поставил на передовые рубежи – их не жалко было. Когда люди спрашивали, кто идёт, им отвечали – татары. Татарами стали называть всех – и татар, и монголов. А когда были завоёваны половецкие степи и заключён договор с Александром Невским о союзе с Россией, эта орда поселилась на Нижней Волге. С этого момента татарами стали называться племена, подчинившиеся хану Золотой Орды. На востоке, правда, их называли кипчаки. А в Западной Европе всех называли татарами, включая монголов и маньчжур. Когда же Золотая Орда пала и начала разваливаться, то часть племён отказалась от названия татар и приняла названия ногай, узбек. А те, которые подчинялись до конца хану, сидевшему на Волге, сохранили название татар.

Маржан: – Почему кочевники кочуют? Они же могут свободно жить в бассейнах рек Амударьи, Сырдарьи.

– А почему академики у нас кочуют, зимой они едут в свою благоустроенную квартиру, а летом на дачу за двести вёрст? Так им больше нравится. Так удобнее жить.

Алексей: – Как зарождается этногенез, где точка его рождения?

– Этногенез зарождается тогда, когда происходит мутация небольшого количества пассионарных людей – мутантов. Это те люди, которые в состоянии сделать больше, чем обычному человеку положено. Это люди героические, это богатыри, гении. Их очень немного, они всем мешают и от них хотят избавиться. Но они всё равно одерживают победу и постепенно размножаются, передавая свой ген по наследству. Это происходит до тех пор, пока их не становится слишком много, и они начинают убивать друг друга. После этого идёт спад, отдых, инерционная фаза. Но когда инерция заканчивается, наступает мрак, полатыни обскурация.

– Есть много предположений о происхождении и прародине тюрков. Каково Ваше мнение – где прародина тюрков?

– У каждого этноса есть своя прародина. Тюрками называют тех, кто говорит на тюркском языке. Большая часть нынешних тюрков приняла этот язык, как приняли в Советском Союзе русский язык, как язык команды, язык начальства, язык общения с другими племенами. А тюрки возникли из сочетания небольшой, в пятьсот всадников, монгольской орды Ашине и местного алтайского тюркоязычного населения.

– Огнепоклонники — это поклонение Солнцу?

– Я думаю, это не поклонение Солнцу. Это, скорее всего, стремление убежать тела своих близких от оскорбления врагами. Это моя догадка. Так было у римлян. У них было и трупоположение, и трупосожжение. Во время походов, когда римляне отступали, они не хоронили, а сжигали покойников.

– И у монголов тоже?

– Монголы хоронили, у них могилы с подбоем.

– А в Рязани? Там ведь убитых при штурме сжигали на площади, так написано у Яна.

– А у Яна могло быть всё что угодно. Яну надо было роман писать. Для него, что трупосожжение, что трупоположение – всё одно. А я вам лишнего не скажу.

– Какую роль в истории этногенеза играет личность?

– Такую же, какую она вообще играет в исторических процессах. Иногда личности удаётся делать большие достижения, например, Колумбу открыть Америку. Но, если бы не Колумб, её бы открыл Кабот, который в то время достиг Ньюфаундленда.

Кожентай: – Как появился этноним «Русь»?

– Русь? Неизвестно. Никто не знает толком. Предположений так много, что добавлять своё я не хочу. Так назывался народ в V веке, который помог западным гуннам победить готов. Он назывался россоманы. Это первые о нем сведения. Откуда взялось само слово, я не знаю. Надо спросить у лингвистов.

Мейр: – Когда сложился русский народ как целостность?

– Славянский народ сложился в результате пассионарного толчка в I веке новой эры. А великорусский народ, тот, который вы называете русским, в XIV веке при Золотой Орде, практически одновременно с казахами.

– После падения Золотой Орды?

– Нет, при Золотой Орде. Потому что самое первое могущественное деяние русских – это победа на Куликовом поле. Кого они победили? Победили мятежника Мамай, который восстал против законного хана Тохтамыша. Русские войска шли на защиту законного правительства Золотой Орды, а Мамай нанял на генуэзские деньги татар, черкесов, осетин и евреев и самих генуэзцев – кого там только не было. Этот сброд был разбит русскими ополчениями, которые выступили вопреки воли своих князей из Суздальского и Тверского княжеств, отовсюду, где князья не хотели принимать участие в событиях.

– Значит, они сражались за хана Тохтамыша?

– Конечно. После поражения на Куликовом поле у Мамай ещё оставались средства и люди для создания новой армии. Но Тохтамыш настиг его на берегах реки Калки, и войско Мамай признало Тохтамыша законным ханом. Мамай убежал к генуэзцам, свои его не приняли, это была бы подлость. А генуэзцы его приняли, но за ненадобностью убили.

– Почему же тогда сам Тохтамыш через два года сжёг Москву?

– Могу объяснить. В это время суздальские князья, ненавидевшие Москву и московских князей за то, что они отняли у них Нижний Новгород и Суздаль, ложно донесли Тохтамышу, что Дмитрий Донской тайно сговорился с Литвой и хочет против него выступить. Это была клевета. А Тохтамыш был родом из Сибири, очень доверчивый человек, и он не допускал, что можно на своих же доносить, да ещё ложно. Поэтому он поверил и бросил в набег свои войска.

– Можно ли считать присоединение Казахстана к России новой вехой в истории обоих народов?

– Где вы хотите расставить вехи, там расставляйте, как в степи, так и в истории.

В конце встречи Лев Николаевич напутствовал ребят: «Если вы хотите всерьёз заниматься этнографией, этнической историей, этнологией и этноге-

незом, вы должны запомнить два тезиса, о которых я вам расскажу. Каждый этнос тесно связан с природой населяемого им региона. Если он привык к горам, ему хорошо жить в горах. Мне, например, плохо. Я люблю степь, люблю ровные места, тихие реки, заросшие ряской и камышом. Другие люди считают их тяжёлыми местами и предпочитают глухие леса, тайгу или приморские берега, где постоянно бушуют приливы и отливы, и холодный ветер приносит дождь. Они к этому привыкли. Им это нравится больше, чем солнечная степь Казахстана. Каждый этнос живёт в своём ландшафте, к которому он хорошо приспособился. Это называется адаптационный синдром. А сама территория, к которой этнос приспособился, называется Родина.

Родина не то место, где человек родился. А если он родился в скором поезде Москва – Париж, это вовсе не значит, что поезд его Родина. Это то место, которое он полюбил. Принцип любви является самым главным для того, чтобы определить свою Родину.

Но ведь мы живём не только в пространстве, мы живём во времени. У нас есть, как мы считаем, прошлое, настоящее и будущее. Я думаю, что это неважно. Потому что настоящего у нас нет. Настоящее – это момент, который немедленно становится прошлым. Будущего у нас тоже в общем нет, потому что оно ещё не настало. Фактически, всё, что мы знаем и из чего черпаем знание о мире, – это прошлое. Вот почему история является практически самой необходимой наукой, а не только теоретически. Так вот, знание своей истории – это есть понятие Отечества. То, что унаследовано от отцов, наших дедов, прадедов. Вот такая живая традиция, такое же устойчивое понятие, столь же устойчивый синдром, как и в отношении окружающей природы. Для того, чтобы сохранить его и пользоваться им, его тоже надо любить. Вот почему вся наука основана на принципе симпатии к окружающему нас миру. Это и есть основа научного познания. Основа утверждения, что мир существует, мы его любим, мы его ценим и мы его можем познать».

С тех пор прошло много лет. Распался Союз, а вместе с ним фундаментальная система образования. Больше всего пострадали внешкольные учреждения. Юношеско-спортивные школы, станции юных техников, натуралистов, туристов были ликвидированы, и огромная армия подростков была выброшена на улицу. Под какую-то коммерческую структуру забрали помещение и нашего клуба. Общество охраны памятников истории и культуры ничем помочь уже не могло, оно также лишилось своего здания, отданного кому-то под магазин. Благо, нам удалось сохранить экспонаты, передав их в Центральный государственный и школьные музеи.

Как-то ко мне в Алмалык нагрянули бывшие ученики. С ними были дети того же возраста, какими я помнил их родителей. За разговором и просмотром наших фильмов время шло незаметно. Память вернула нас в то далёкое время, оставившее в сердцах ребят неизгладимый след.

Я видел, с каким интересом и даже завистью слушают нас дети и очень надеялся, что они смогут повторить путь своих родителей.

* * *

Где-то в архивах Гостелерадио скрыта беседа Мурата Ауэзова со Львом Николаевичем Гумилёвым (конец восьмидесятых прошлого столетия). Надо бы найти и обнародовать.

* * *

Люблю этот край Жетысу. «Там, за Отаром поезда, один из них моё молчанье. Не дай мне боле опоздать. Закономерно и случайно...» (Олжас).

Мы ехали уже по прямой трассе в южную столицу. А там, за Отаром – Капчагай, Сары-Озек, Алтын-Эмель, святое место упокоения Чокана, а далее, на север в сторону Балхаша, Барбакты, Бақанас, Караой...

В этих местах и обитал герой «Балхашской саги» – Имант Андерсен.

* * *

«Жить нужно, странствуя» – изрёк Константин Паустовский. А вы знаете, что в годы эвакуации Константин Паустовский некоторое время жил вместе с семьёй в доме-квартире Мухтара Ауэзова, что была напротив, наискосок от оперного театра?.. Интересно было бы узнать, о чем они беседовали по вечерам в сквере напротив. Наверняка сохранились какие-либо документы и материалы об этом.

Своим странствиям я обязан Мурату Ауэзову. Его неторопливой, зажигающей энергией вовлекать в дорогу близких по духу людей и встречать ответные позывы благородных лиц по времени и пространству.

Однажды на автобусе-коробочке, одним словом – Кавазике, мы поехали по делам Великого Шёлкового пути, в канун международной экспедиции ЮНЕСКО «Великий Шёлковый путь – путь диалога» познать и проверить будущий маршрут экспедиции (1990–1991 гг.).

Алма-Ата, Бишкек, Жамбыл, Шымкент, Ташкент, Самарканд, с заездом в Бухару. В Самарканде Игорь Шахмурадов, родом из этих мест, а в то время старший научный сотрудник института географии АН СССР (г. Москва), один из организаторов предстоящей экспедиции, повёл нас в Самарканде в махаллю, к своим близким знакомым. Плов, курага, киш-миш, и беседа под поэтические строки Саади и Алишера Навои, любимого поэта Мурата Мухтаровича.

Я допоздна гулял под сводами Гур-Эмира, под минаретами Мараканды. И был величественный покой у бывшей гробницы Тимура, и молодой месяц всплывал над минаретом, и были бейты-двустушия, и звуки зурны, и позывы муэдзина, усиленные громкоговорителем.

А затем, совершив протокольные дела, возвращались этим же маршрутом. И Мурат Мухтарович и Олег Ельтокович просвещали нас, сидящих в автобусе, о тайнах тимуридов, о персах и Александре Двурогом, о царице Томирис, о царствах Кира и Дария. А когда, спустя время, я открыл свой издательский дом, Мурат Ауэзов назвал этот дом «Жибек Жоль», отметив, что есть эстетический центр «Шелковый путь», а издательство пусть несёт имя по-казахски – «Жибек Жоль». И, как дарят в таких случаях скакуна владельцу и хозяину нового дела, от имени эстетического центра «Шелковый путь» он подарил автобус-коробочку, на котором мы уже объездили пол-Казахстана. Так что подарок был уже полностью объезжен и ему не страшны были испытания нового издательского дела.

И этот автобус не раз выручал в нашем издательском деле в первые месяцы становления. Он по ночам развозил по домам сотрудников издательства, работавших допоздна, привозил малыши партиями тиражи наших авторов (300-500 экз.) и даже дежурил в те необычные девяностые годы у кафе или ресторана, когда отмечали день рождения новой книги.

* * *

В мае 2004 года состоялась экспедиция «Каспий: нефть и культура». Членами этой экспедиции являлись культуролог Мурат Ауэзов, писатель Сатимжан Санбаев, журналист Гадильбек Шалахметов, кинорежиссёр Амангельды Тажбаев, историк Марат Сембин, архитектор и скульптор Максут Нуркабаев, фотограф Александр Павский и я, поэт Бахытжан Канапьянов. Города пребывания – Актау, Атырау, Астрахань и пространства между этими городами.

Прекрасную книгу подготовил и издал журналист и поэт Гадильбек Шахламетов. Она так и называется – «Каспий: нефть и культура». Это название принадлежит Мурату Ауэзову.

* * *

Этот полуостров занимает исключительное место в проблеме генезиса казахской культуры. Здесь стены её Акрополя и здесь её Иппокрена.

А. Г. Медоев

Сегодня Казахстан, и особенно его западные регионы, являются объектом пристального внимания многих ведущих стран мира. Интерес более чем понятен: край славится огромными запасами энергоресурсов.

И здесь же можно отследить историю развития человеческой мысли, историю зарождения высочайшей духовности. Специалисты говорят, что на этой земле создана культура, которая по своим параметрам созвучна космическому мироощущению. Примеров этому – множество.

На Мангышлаке, у родников вдоль подножий хребта Каратау, молодой учёный А. Г. Медоев открыл в 1966–1969 годах многочисленные стоянки, представленные архаичными комплексами каменной индустрии. Гипотезы учёных о путях проникновения в Европу форм производящего хозяйства (через Закаспий) получают здесь обоснование на фактических данных.

Формы этого типа цивилизации зародились в недрах культуры микролитов, в среде охотников-собирателей аридной зоны. Нужны были века и тысячелетия, чтобы их далёкие потомки ворвались на арену мировой истории в ослепительном блеске скифской культуры и навсегда остались в анналах.

Великие странствия степных кочевников положили начало интенсивному взаимодействию народов Евразии. Выразительные и разнообразные памятники Мангышлака хранят следы 3000-летнего развития материковой истории со всеми её взлётами и падениями.

Очередной этап цивилизации кочевников датируется VI в. н. э. Следы этих времён сохранились в прикаспийских степях. С уходом древних тюрков с исторической арены (VIII в.) в степи наступил длительный период обскурации, но энергия развития культуры сохранялась. Эстафета была подхвачена с появлением соответствующих условий – экологических, социальных, политических. Костры Великих кочевий запылали вновь. Их раздували, вдохновенно и энергично, огузы и кыпчаки. К первым тянутся нити искусства Сельджукидов Рума, а ко вторым – инновации в средневековой культуре Восточной Европы. Деление – это условно.

Памятники средневекового Мангышлака образуют единство огузо-кыпчакского стиля.

Захоронения Бекет-Ата, Масат-Ата, Шопан-Ата, Шакпак-Ата собирают паломников из Узбекистана, Ирана, Туркмении, Турции, России. Говорят, что на этой земле жили 362 святых, и историки с этим не спорят. Край хранит уникальные исторические памятники VII–VIII веков, времён зарождения и распространения ислама. Причём вопреки его канонам, наши предки изображали и животных, и людей, что тоже свидетельствует об особом развитии культуры этого края.

Через Мангыстау пролегало одно из ответвлений Великого Шёлкового пути, по которому с Востока на Запад двигалась бесконечная вереница торговых караванов. Вдоль этой дороги были построены караван-сарай, военные

крепости, аулы скотоводов, городища ремесленников. Но бесчисленные войны в конечном счёте разрушили эту ветвь Шёлкового пути. На многие века край был отброшен на задворки истории, перестав играть серьёзную роль в евразийском мире.

Когда-то выдающийся казахский геолог Каныш Сатпаев, пролетая над полуостровом на самолёте, сравнил врезающуюся в морскую синь линию побережья с профилем женского лица, слегка прикрытого вуалью пустыни, и назвал эту землю «спящей красавицей». Поколения ныне живущих – свидетели того, как эта «красавица» просыпается, сбрасывая вуаль, открывая миру свои бесчисленные природные и духовные богатства.

Императив этой земли – соединение, братство, стремление к миру, но никак не разделение. Эти принципы отражены не только в архитектуре, но и в поэзии, музыке. Послушайте кюи Курмангазы, Дины и других народных композиторов.

Такая земля не могла не породить людей, чьё творчество в самые сложные периоды истории казахского народа играло огромную роль в активизации национального самосознания. Их слава немеркнуща. Тот же поэт Махамбет в лучших традициях рыцарства участвовал в народно-освободительных восстаниях и воспевал героизм и мужество своего народа. В период Букеевской орды отсюда вышло множество просвещённых людей, которые составили позднее элиту казахской ренессансной интеллигенции. Её истоки – в духовности народа.

Книга «Каспий: нефть и культура», 2011 г.

* * *

Эта книга «По ту сторону луны» не только памяти великого культуролога, философа и филолога Мурата Мухтаровича Ауэзова. Эта книга памяти многих близких ему людей, единомышленников по осевому времени, вне фрагментарной памяти, а по полному шву бытия. Многих из них уже, к сожалению, нет среди нас, но они в памяти нашего национального кода.

Марат Балтабаев, Сатимжан Санбаев, Сырым Букейханов, Салихитдин Айтбаев, Тимур Сулейменов, Болат Каракулов, Гадильбек Шалахметов, Герольд Бельгер, Сейдахмет Куттыкадам, Болатхан Тайжан... Наше право – помнить о них и не забывать!

Вспоминаю одного из них. Есть люди, в данном случае – писатели, которые всегда в файле твоей памяти. И своими литературными произведениями, и своими характерами реальной жизни, и реальной писательской судьбой. Один из таких замечательных людей – Сатимжан Санбаев.

Сейчас уже и не вспомнить, когда состоялось наше знакомство. Одно могу сказать, что в те самые звёздные семидесятые годы прошлого столетия. И вначале через его произведения – «Белая Аруана» и «Когда жаждают мифа». А затем писательские пути-дороги не раз пересекались на бескрайних просторах Евразии – в Алмате и Павлодаре, в Москве и Петропавловске, на Устьурте и Балхаше, в Семее и Боровом и даже по ту сторону океана. И не только по писательским делам, но и по делам киношным, в экспедициях съёмочной группы, где человек творчества в разговорах допоздна всегда «жаждет мифа» – своего и окружающих его людей. На переводческих семинарах и маршах мира во имя «Невада – Семья», с его жизнеутверждающими принципами над цепной реакцией разрушения. И на этих дорогах земного бытия рядом всегда находился брат по духу и жизни – Сатимжан Санбаев.

Сатимжан Санбаев пришёл в большую литературу «Белой Аруаной». Именно эта высокоталантливая вещь приходит из памяти, когда мы произносим имя писателя. Неистребимый зов Родины, который несмотря на все запреты и за-

слоны того периода, вёл и ведёт нас к родному очагу, к познанию своих корней, своего великого прошлого. И пусть после этой маленькой повести были написаны и опубликованы в разных странах мира многие другие повести и романы, для меня и моего поколения Сатимжан Санбаев навсегда останется автором этой поэмы в прозе, «Белой Аруаны», где образ белой верблюдицы схож с самим образом богини Умай из нашего далёкого тенгрианского прошлого.

Однажды в Москве, в те самые незабываемые семидесятые, в одной компании зашла речь о «Белой Аруане» Сатимжана Санбаева. Публика была из разных окраин Страны Советов. Поток литературоведческих изысков прервал голос москвички-казашки, идущий из глубины женского бытия:

– Это обо мне повесть! Это я Аруана своей судьбы!..

Прошло почти полвека, а голос этой женщины, волею судьбы, оказавшейся где-то там, вне Родины, до сих пор звучит в моей душе.

А в начале девяностых, уже в годы независимости, большой десант творческой интеллигенции оказался по ту сторону океана, в США. Я с Сатимжаном Санбаевым выступал в одном из студенческих городов-кампусов в Филадельфии. Помню, речь зашла об образе Аруаны, белой верблюдицы, и ландшафте окружающей среды, имя которой Родина. Чувствуя, что должного контакта с аудиторией нет, Сатимжан, усмехнувшись, веско заметил:

– Они воспринимают только «Кэмел» – дромадера-каранара. Им не понять женской сути Аруаны.

А когда речь зашла о героине санбаевской повести Санди, то здесь, наоборот, появился тот самый контакт взаимопонимания. Видимо, весь секрет заключался в переводе этого имени, то есть через воскресенье – воскрешение рождаются и женская красота, и женское начало окружающего мира.

Режиссёр Виктор Пусурманов по-своему воплотил повесть «Белая Аруана» на экране. Я бы сказал, что фильм в целом состоялся. В прочтении основной метафоры повести многие центурионы из ЦК Москвы и Алма-Аты увидели параллели реальной жизни того периода, вплоть до отъезда казахстанских немцев на историческую родину. Разумеется, эта параллель была высосана из пальца, но тем не менее, сила санбаевской метафоры, в раскрытии которой большая заслуга актёра Нурмахана Жантурина, ёмко и веско говорит о большом таланте писателя.

Двадцать лет тому назад, в мае 2004 года, состоялась наша экспедиция «Каспий: нефть и культура». Почти целый месяц Мурат Ауэзов, Гадильбек Шалахметов, Марат Семби, Амангельды Тажибаев и другие участники бороздили на джипах просторы Западного Казахстана и дельты Волги вблизи Астрахани – Жана-Озен, Бекет-Ата, Актау, Шер-кала, Куль-сары, Бейнеу, Атырау, Сарайчик, Малый Арал. Сатимжан, несмотря на недомогание, приехал к нам, когда мы были в Макате, ибо и он, и мы понимали, что без него эта историческая экспедиция была бы далеко не полной.

С каким чувством сыновней привязанности он говорил об этих краях, о своём отце, учителе, именем которого и была названа школа в Макате. Мы побывали и в этой школе.

Мурат Ауэзов в своей книге «Уйти, чтобы вернуться» посвятил главу «Макат» этим местам и родителям Сатимжана Санбаева, у которых он жил в те самые незабываемые семидесятые прошлого столетия.

Спортсмен, инженер, киноактёр, сыгравший несколько блестящих ролей, а главное, писатель Сатимжан Санбаев навсегда останется в моем сердце и в моей памяти, и его «Белая Аруана» не раз ещё будет звать верблюжонка двадцать первого столетия за горы и хребты, за холмы и пески, туда, где начинается наша Родина.

* * *

Мы выехали на прямой путь в Алматы. Наступило южное утро ранней осени 2023 года. В первых лучах восходящего солнца всё ещё просматривалась луна, но уже не ночная, а предрассветная – Күндіз Ай.

В основном я исполнил наказ Мурата Ауэзова – произвести предварительный анализ перспективы конкурса «Mecenat». Первые победители: Шархан Казыгул, роман «Күлпет» и Турысбек Саукетаев, роман «Өлгендер кайтып келеді» (Мёртвые возвращаются), позволяют сделать вывод, что найдена новая форма подачи литературного материала, самого произведения романа с учётом материального стимула автора, что внушает определённую надежду на продуктивное дальнейшее творчество. Мне, как эксперту данного литературного конкурса, не раз приходилось выслушивать претензии и жалобы конкурсантов – по поводу жёстких правил объёма подаваемых к конкурсу рукописей романов, не более 160 страниц. Вызывала нарекания конкурсантов и сама оценка произведений, производимая только через интернет-ресурсы, а также многочисленные просьбы, чтобы оценки были по сложившейся традиции, то есть членами авторитетного жюри с полномочиями ревизионно-экспертными заключениями.

Я не знаю и не ведаю, доходили ли такие претензии и просьбы до организаторов данного конкурса (Тимура Турлова и модератора Ерлана Аскарбекова). Наверняка были подобные моменты. Однако отвечаю тем, кто обращался ко мне, именно как к эксперту конкурса «Mecenat».

В стародавние времена страны Советов данный объём (160 страниц) больше тянул на объёмную повесть нежели на роман, который по тем понятиям объёма не раз насчитывал более двухсот-трёхсот страниц. В разных республиках Советской империи были повсеместно не только романы, но и дилогии, трилогии. Это всё было ориентиром для литературного процесса социалистического реализма. Этим и отличались мы от множества зарубежных стран, где у большинства писателей объём романа не превышал данный международный стандарт менее 200 страниц. А затем плотность самого времени (читателя и писателя) где-то уравнивала эти критерии и эти параметры объёма.

В эпоху интернета помимо бумажной версии литературного произведения прочно обосновались и электронный вариант, и аудиокнига, Читатель вправе выбирать свой формат чтения. В социальных сетях давно уже укрепилась малая форма литературы – притча, новелла, стихи. И вот благодаря этому конкурсу выходит роман. И всё же ни с чем не сравнить непосредственный аромат чтения бумажной версии книги, оставшийся в нас из прошлого века, из прошлого тысячелетия, когда в шелесте переворачиваемых страниц слышен отдалённый гул веков и столетий, который сопрягается со звуком современного лайнера. Так читатель двадцать первого столетия опережает само время, отведённое автору романа для продолжения перипетий, коллизий и сюжета жизни, человеческой комедии и трагедии. Быть может, поэтому и нет в настоящее время литературных произведений, которые по замыслу и сюжету были бы выше самой фантазии читателя. Всё выстраивается по системе логарифмической линейки, где само чувственное начало исчезает, как та самая пыль гениальности, которая оседает между оригиналом и переводом художественного произведения, между замыслом автора и воплощённым результатом, то есть зазор, чем меньше этот зазор, тем удачнее вымысел автора. У представителей современной литературы Казахстана те же проблемы, характерные для прозаика или поэта, живущего и творящего в любой точке Земли, во времени и в пространстве бытия начала третьего

тысячелетия. Единственным мерилom творческого становления является неистребимая человеческая Память, вобравшая в свои потайные сферы метакод тюркско-казахского фольклора (эпоса), образы которого не раз через века преломлялись и перевоплощались посредством технологий современности (айпад, интернет, айфон) в мифические образы двадцать первого столетия. И опять же, повторяю, невидимой нитью через произведения современных писателей проходит тема вечной Памяти – во имя будущего, ибо настоящего, как такового, нет, оно постоянно перетекает из прошлого.

Есть великие исключения в истории казахской литературы. Это – роман-эпопея гения казахской словесности Мухтара Омархановича Ауэзова – «Путь Абая». Как блуждающая вершина «Хан Тенгри», что зачастую не видна среди облаков и тумана, и только в ясные часы озарения эта вершина человеческого духа проступает на небосводе, в творческом ареале нашего бытия.

Все эти споры, нарекания и претензии в свете нового конкурса «Mecenat», на мой взгляд, это споры хорошего с лучшим. С выходом на новые горизонты литературного творчества вера в продолжение этого конкурса, вера и надежда на воплощение новых форм, романа по сути и содержанию основана не только на первых результатах конкурса, но в самой перспективе литературного процесса нового Казахстана.

* * *

– Всего доброго, байеке, – попрощался со мной Шаяхмет, когда подъехали к моему дому, что напротив Дома-музея Мухтара Ауэзова.

– Давай зайдём, чайком угощу, как когда-то в Караколе, – спросил я Шаяхмета, верного путника по дорогам Алатау и Тянь-Шаня.

– Нет, байеке, рано ещё, ваши спят. Поеду на автовокзал, возьму пассажиров до Бишкека или Тараза, там, на автовокзале, и перекушу.

– До новых встреч, звоните!

– Спасибо, дорогой Шаке-Шаяхмет. Обязательно будем на связи.

Мы обнялись и попрощались. Я за неделю привёл свои записи в порядок. Затем, спустя неделю-вторую, позвонил Мурату-ага. Он, скрывая своё недомогание, сказал, что главное – предварительный анализ конкурса сделан. А отдать – показать успеешь, вот «подремонтирую» себя и увидимся.

Последний раз в жизни видел своего учителя Мурата-ага на сороковиных его сестры Ильфы Ильясовны Жансугуровой, в начале этого года. Сидели рядом, за одним столом. Я не стал утруждать его своими записями, сказал, что пошло через его помощницу Сандугаш. На том и порешили.

А в ночь с 14 на 15 июня сообщили скорбную весть. Мне позвонили из телеканала «Хабар24», и рано утром я сказал своё прощальное слово памяти Мурата Мухтаровича Ауэзова.

А в свои записи стал вносить вставки, заметки и малые этюды в свете памяти моего, нашего Мурата-ага.

* * *

– По-иному стал смотреть на твою прозу, – однажды заметил Мурат-ага, прочитав мой рассказ «За хлебом».

Иной взгляд Мурата Мухтаровича, видимо, включал в себя метафору этого рассказа, включал, где хлеб насущный переходил плавно и постепенно в хлеб духовный, во многом связанный по воспитанию в семье и годами нашего детства.

Фабула рассказа такова. Мальчика (то бишь меня) в последнее лето перед школой, первым классом, послали за хлебом. По улице его детства не было

хлеба в одном магазине, а в другом был чёрствый, вчерашний. Он пошёл дальше и занял очередь, где ожидали свежий хлеб...

Вот фрагмент рассказа.

«И тут мальчик почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Мальчик оглянулся и увидел отца, который, улыбаясь, долго смотрел на него из-под слегка надвинутой на глаза шляпы.

Мальчик подбежал к отцу и, обняв его за ноги, стал торопливо рассказывать – почему и зачем он здесь. Отец держал какой-то свёрток в руке и, продолжая улыбаться, остановил нескончаемый поток слов мальчика:

– Начни с того, что вначале вышел из дома. Как я тебя учил.

– Да, вначале я вышел из дома. Нет, вначале няня сказала, чтобы я купил в ларьке хлеб – буханку белого и буханку чёрного, а потом только вышел из дома.

– А потом?

– А потом... В ларьке хлеба не было, нет, был, но только чёрный и чёрствый, вчерашний. Так сказала тётя-продавец, она сказала, что в этот магазин привезут вечерний. Вот я и жду.

Отец придирчиво осмотрел мальчика, видя, что сандалии надеты на бо-
сые ноги, штанишки, поддерживаемые лямками крест-накрест, были не пер-
вой свежести, да и ситцевая рубашка с короткими рукавами оставляла желать
лучшего. Он вновь улыбнулся, потрепал жёсткие волосы своего сына и сказал:

– Пойдёшь со мной.

– А хлеб? Его же ещё не привезли.

– На обратном пути возьмём.

Отец что-то сказал женщине, за которой стоял мальчик, и они через пусте-
ющий базар пошли в сторону городского сада.

В горсаде было многолюдно. Звучала музыка из репродукторов, а затем
чей-то голос стал настойчиво приглашать всех в летний театр, на какую-то
встречу.

Отец, держа за руку мальчика, уверенно повёл его сквозь людской поток
куда-то в глубь городского сада.

Мальчик, оглядываясь, видел, что карусели и детские качели не работа-
ли. И все люди спешат на какую-то встречу куда-то по аллее, ведущей к лет-
нему театру.

Отец сел в первом ряду, усадив рядом мальчика. Многие здоровались с
отцом, о чём-то с ним разговаривали, затем все начали хлопать в ладоши. Все
люди встали со своих мест, стуча откинутыми сиденьями, и продолжали хло-
пать, пока на сцену не вышел человек в зелёном костюме. Он улыбнулся и
передал свою шляпу кому-то из тех, кто пришёл вместе с ним. Шляпа была
такая же лёгкая, как у отца, только светлее.

Люди стали рассказывать по своим скамьям, а кому не хватило мест,
стояли у прохода и по краям сцены. Человек стал о чём-то долго и увлечённо
рассказывать.

Мальчик вначале слушал, хлопал вместе со всеми, а затем, поглядывая
на наручные часы отца, стал ёрзать, беспокоясь, что весь вечерний хлеб про-
дадут и им с отцом ничего не достанется.

Отец, продолжая слушать, второпях объяснил мальчику, что этот человек –
очень известный писатель, и большая для него радость встретиться с ним.

Мальчик вздохнул и продолжал терпеливо ждать конца этой встречи.

Многие люди задавали какие-то вопросы, и писатель охотно и увлечён-
но отвечал, вызывая одобрительные возгласы собравшегося народа. И люди
вновь хлопали и не отпускали писателя.

После встречи все, кто был в городском саду, стали давать писателю книги, которые он подписывал, спрашивая имя и фамилию читателя.

Отец тоже развернул свёрток, и мальчик увидел книгу, на обложке которой прочёл слово «Абай», и отец, держа его за руку, подошёл к писателю.

Мальчик, не вникая в то, о чём спрашивал писатель отца, начал считать количество пуговиц на костюме писателя и отца. Их число было равным – по две на костюме и по три маленьких на рукавах.

– Тебя спрашивают, чем так озабочен? – слегка подтолкнул мальчика отец.

– Хлеб закончится в магазине, – серьёзно ответил мальчик, вызвав тем самым смех и улыбку писателя и отца.

Писатель погладил по опалённой жарким июньским солнцем макушке мальчика и вручил только что подписанную книгу.

Мальчик положил эту книгу в сетку-авоську и стал торопить и тянуть отца к выходу из городского сада.

На углу улиц Первого мая и Толстого мальчик сказал отцу, чтобы он подождал его, а сам побежал в хлебный магазин и вскоре вернулся в радостном возбуждении, держа две свежие буханки хлеба – белого и чёрного.

В сетке-авоське, которую терпеливо нёс мальчик, покоились две буханки хлеба, белого и чёрного, а также книга, пахнущая ещё не ушедшей типографской краской, запах которой перебивал душистый и ароматный запах вечернего хлеба. Когда мальчику становилось тяжело нести сетку в одной руке, он перекладывал её в другую, перебегая к отцу слева направо, и вновь нёс свою поклажу, держась за твёрдую руку отца, который, глядя сверху на него из-под шляпы, слегка посмеиваясь над мальчиком, иногда спрашивал:

– Не тяжело?

– Нет.

– Может, помочь?

– Нет, не надо, я сам.

И отец вновь погружался в свои мысли, всё ещё находясь под впечатлением этой незабываемой встречи.

У ворот их дома стояла нянька, вглядываясь из-под руки в даль улицы.

– Что, Евдокия Михайловна, заждались нас с сыном? – спросил отец. – А мы с хлебом и с книгой.

– Да я уже к ларьку бегала. Продавщица сказала, что видела нашего кормильца и что он пошёл аж на Толстого. Все уже дома, а его нет и нет, – целуя мальчика, успокоилась нянька.

Жаркое солнце июня опускало свой красный, багровый шар за реку Иртыш, окрашивая его вечные воды волнами заката. И в доме мальчика собралась вся семья – отец и мать, братья и сестры, няня. И был душистый, вечерний хлеб, белый и чёрный, и была книга писателя, которую отец плавно и певуче уже читал вслух маме, подчёркивая интонацией самые примечательные места. И ждала мальчика карта, что висела над его кроватью, ждала своими странами, морями и океанами.

И мальчик вновь, перескакивая с пятого на десятое, рассказывал родным и близким обо всём, что с ним сегодня произошло. И отец, вновь улыбаясь, мягким жестом остановил мальчика:

– Мен саған қалай үйреттім? (Как я тебя учил?) Әуелі сен үйден шықтың. (Вначале ты вышел из дома.)

– Да, отец, вначале я вышел из дома...»

* * *

Прошли годы и десятилетия. Мальчик стал поэтом, писателем, издателем. Вышло много книг мальчика. В разных странах и на разных континентах. Он и сам побывал во многих странах, даже в тех, которые он не видел на карте своего далёкого детства.

И когда он получает из типографии очередной том полного собрания сочинений гения казахской словесности, писателя, на встречу с которым повёл мальчика отец, он сквозь свежую типографскую краску всегда ощущает ничем не истребимый душистый аромат хлеба из далёкого и незабываемого детства.

* * *

В главе «Прага» из книги «Времён связующая нить» Мурат Мухтарович Ауэзов пишет: «22 марта в нашем Посольстве замечательно отпраздновали Наурыз (21-23 марта 2007 года). Много гостей – послы китайский, монгольский, индийский и ряда европейских стран. Были люди из правительства Чехии.

Во дворе установили четыре юрты. Одну маленькую – для детей. Три большие. Минимум бутафории. Всё по-настоящему: игра в асыки, стрельба из лука. Плов в огромном казане, шашлыки, наурыз коже. Много студентов. Наши, обучающихся в Чехии. Хорошо друг друга знают. Есть у них землячество, называется “Байтерек”, как ваш “Жас тулпар”, – говорит их лидер Ануар Мухсан.

Украшила встречу замечательная женщина по имени Джамия. Родом из Казахстана, она стала министром в правительстве Чехии. Давно уже живёт здесь. Участвовала в написании программы партии “Зелёных”, которая победила на выборах и вошла в коалиционное правительство. Джамия в результате получила пост министра по вопросам меньшинств (этнических, религиозных, заключённых, сексуальных, гендерных и т. д. и т. д.). Словом, занимается природой и правами человека. Авторитет её высок. Обаяние искренности в её словах. Благодарно вспомнила родную Алмату и без малейшего привкуса патетики, просто и веско сказала, что успешно выполняет свою миссию в Чехии только потому, что бережёт корневые связи со своей прародиной. Предложила вечером посидеть и побеседовать. Что и сделали небольшой компанией.

Заботы “Зелёных” для неё – не только состояние природы. Это гармония всего сущего на земле. И экологические проблемы, и самочувствие братьев наших меньших: животных, птиц и т. д., и т. д. Слушал Джамию и подумал: движение “Зелёных” – это не политика. Нечто гораздо более интересное и человечное. Сродни синтоизму и тенгрианству. Это философия и практика гуманизма. Вспомнился вдруг наш средневековый Сауран, о котором арабы писали, что в нем хорошо думается. Не сомневаюсь, то же самое сказали бы о Праге.

Соразмерна духовности этого города Национальная библиотека Чехии. Разместилась в доминиканском монастыре, построенном в середине XIII века. После доминиканцев в нем были иезуиты, которые придавали большое значение наукам. Там и сейчас много механизмов, которые отсчитывают время, наблюдают за движением небесных светил. Библиотека богатейшая. В фонде восточной литературы – 1200 манускриптов на фарси, арабском и тюркских языках.

* * *

Когда-то президент Чехии Вацлав Гавел пригласил сто юношей и девушек из Казахстана для учёбы в Чехии. Непременным условием было – год учить чешский язык в Карлов университете, а затем пять лет продолжать учёбу по выбору специальности в университетах Чехии (язык учёбы – чеш-

ский и английский). Среди первого набора оказался и мой младший сын Ануар, взявший в качестве фамилии имя своего деда, моего отца. Ануар действительно стал лидером среди студенчества. Был капитаном сборной по футболу, которая заняла первое место на студенческом первенстве Праги. Кубок вручал посол Казахстана в Чехии Шарип Омаров. Там, а в Праге, он нашёл своё семейное счастье, познакомившись со студенткой Диной, что была родом из Восточного Казахстана, и с отличием училась в Карлов университете на экономиста. Ануар закончил Чешский технологический институт по специальности «Международные перевозки и транспорт», а затем, поработав в родном Казахстане, поступил в магистратуру и защитил учёную степень по специальности «Горные разработки». Но это всё потом, после учёбы в Праге. А тогда, находясь в Алматы, Мурат Ауэзов был «бас куда» на сватовстве Ануара и Дины. Влюблённые молодожёны опаздывали на сватовство и свою помолвку. Ануар даже поменял билеты из Праги через Москву, чтобы успеть на этот торжественный момент их жизни и судьбы. И всё одно молодые не успевали, когда мы, родные и близкие Ануара, во главе с Муратом-ага подъезжали к дому родителей Дины, а они находились в самолёте, на высоте восемь тысяч метров.

И здесь мудрый Мурат Мухтарович начал свою речь «бас куды», главного свата, следующими словами предков из эпоса и фольклора:

– Слышали, что в вашем доме выросла юная белая лебедь. А мы вырастили стремительного, стройного сункара – сокола. Они познакомились в далёких краях и сейчас вместе летят, чтобы быть рядом с нами в этот торжественный час сватовства.

Так, или приблизительно так бас-куда Мурат-ага Ауэзов начал свою прекрасную речь главного свата и перешагнул порог дома нашей невестки Дины...

В разгар пиршества прилетели и наши молодые – Дина и Ануар. В память о том забываемом дне остались многочисленные фотографии и дублёрка-тон для бас куды, которая не раз согревала его в зимних поездках по Казахстану.

А когда мы издавали книгу Мурата Ауэзова «Главпочтамт» в переводе на английский язык, перевод Джорджа Мюллерсона (Гоша, сын Ирины и Рейна), редактором был мой старший сын Искандер (Ика).

Это уже новое поколение казахстанцев, поколение двадцать первого столетия, многое познавшее в зарубежной учёбе, но не потерявшего благородные связи с прошлым своих предков и своих родителей. И эти книги Мурата Ауэзова на казахском, русском, английском, турецком читают и познают наши дети и внуки. Мурат Ауэзов, узнав, что его книгу на английском языке изучил мой старший внук, сын Искандера Диас, незадолго до своей кончины подписал:

«Дорогой Диас! Наши родственные связи уходят в глубину столетий. Похоже, и духовная близость нам не чужда. Я этому очень рад. Желаю тебе высокой, яркой судьбы!» Мурат Ауэзов

Как великие манускрипты и святыни храню автографы Мурата-ага. В 1997 году, после четверти века, когда была уничтожена гильотиной книга «Эстетика кочевья», Мурат Мухтарович Ауэзов, через сомнения и многолетнее молчание, подготовил и издал книгу «Ишпокрена», и подписал, с любовью и нежностью.

«Благодарному – благодарно:

Дорогому Бахытжану Канапьянову с признательностью, уважением и братской любовью». Мурат Ауэзов, 01.04.1997 г. И эта книга посвящена памяти Алана Георгиевича Медоева.

«Дорогие Гульнара и Бахытжан, пусть долго, бесконечно долго песни и Слово, вдохновенно обитающие в вашем Доме, согревают ваших близких, включая и меня». Мурат Ауэзов, 25.01.2011 г.

* * *

«Мне посчастливилось видеть и слушать его отца – Мухтара Омархановича Ауэзова.

Рад, что десятилетиями знаю его самого – Мурата Мухтаровича Ауэзова, который, смею вас заверить, с годами и внешне, и внутренне, и физически, и духовно становится всё более похожим на своего гениального родителя. Имел удовольствие одно время находиться в одной организации и не однажды беседовать в пути-дороге с дочерью Мурата Мухтаровича – блистательным филологом, обаятельной Зифой-Алуа Муратовной Ауэзовой. Имею честь знать многих отпрысков славного Поэта Ильяс Джансугурова, в опальной семье которого рос, воспитывался и формировался Мурат Ауэзов.

Я не намерен здесь разбирать его труды – философские, литературоведческие, обществоведческие, политические. Нет и не может быть у меня претензии охватить и охарактеризовать его многогранную личность. Я очень люблю немецкое слово “культуртрегер” – носитель культуры. Так вот, Мурат Мухтарович – культуртрегер, носитель и радатель знания и просвещения, духовности, гуманности в высшем проявлении. И ещё он – “хоффнунгстрегер” – носитель надежды, жизнелюб, оптимист, он всегда настроен на волну надежды даже в самых тягостных моментах жизни», – так написал в своей книге “казахский немец” Герольд Карлович Бельгер. Всей душой и всем сердцем он принял, раз и навсегда, феномен Мурата Ауэзова.

Я рад и признателен судьбе, что знал этого человека, был не раз свидетелем и участником прекрасных и занимательных бесед в кругу Мурата Ауэзова, Герольда Бельгера и многих других близких по духу людей. Это был действительно праздник мысли. Для меня являлось высокой честью издавать несколько книг Герольда-ага. «Тамыр тамыров» (книга о Мурате Ауэзове), «Жизнь-эпопея» (книга о Мухтаре Ауэзове и новом переводе эпопеи «Путь Абая»), «Mein Freund Шот-Аман» (книга о Шоте Валиханове, архитекторе и драматурге)... И многие другие книги Герольда Карловича Бельгера, которому в этом году (октябрь) исполняется девяносто лет со дня рождения. Мною подготовлены два тома избранных произведений Герольда-ага, надеюсь, что к его юбилею эти книги выйдут. А в Германии в прошлом году вышла моя книга «Высокогорье» в переводе на немецкий язык именитой Евой Реннау. Эта книга посвящена памяти Герольда Карловича Бельгера, что похоронен на мусульманском кладбище Кенсай.

* * *

В канун своего восьмидесятилетия Мурат-ага поехал отдохнуть в Боровое, вдыхать по утрам и вечерам хвойную изморозь соснового бора вблизи санатория «Ок жетпес».

Начиная со своего раннего детства он не раз бывал в этих краях. Первый раз ещё в начале пятидесятых прошлого столетия по настоянию Мухтара Омархановича, чтобы поправить своё здоровье. А после окончания института и в составе «Жас тулпар», с лекциями и беседами, и с иностранными писателями Пятой конференции писателей стран Азии и Африки... А однажды, оказавшись в выходные дни не у дел в Астане, мы рванули электричкой в Бурабай и там наслаждались рыбалкой, пытаюсь поймать знаменитую рыбу майбалык,

а вечером у костра звонили Гуле, или она нам звонила. Мурат Мухтарович упросил её спеть прямо на сотовый телефон песню Акана, находясь в этих самых легендарных местах. Под треск сучьев костра голос Гульнар пробивался негромко, но чётко от души и сердца. «Караторгай» сменялся «Манмангером» и строфами «Еки жирен»...

– Что передать твоим землякам? – спросил Мурат-ага, позвонив перед отъездом.

– Передавайте, разумеется, привет. Там вас встретят и, как всегда, угостят сур-етом, – уклончиво сказал я.

Вблизи санатория живёт мой родственник, табунщик Дауке, там, среди холмов и сопок Бурабая он и родился, и вырос, вместе с братьями выпасает и выращивает косяки лошадей. Его я и попросил встретить Мурата-ага и угостить кокшетавским сур-етом. Сур-ет – это конина, копчёное на дыму местных берёз, имеет целебные свойства от ряда заболеваний.

Мурат Мухтарович вскоре прислал на WhatsApp фотографии, где он с удовольствием разделяет ножиком – баки куски сур-ета, под кумыс, под шубат, под русский национальный напиток – водочку.

И внизу, под снимками, написал:

– Дауке у меня в гостях. Дарю ему этот нож-баки, взяв по ритуалу обмена монетку-денежку.

А в связи с этим я вспомнил случай, который произошёл в Германии, в аэропорту.

Однажды во Франкфуртском аэропорту меня остановил немец, видимо, родившийся в Казахстане, а затем вместе с родителями переехавший на историческую родину:

– Из Казахстана?

– Да!

– А, извините, казы или шужук есть?

– Нет.

– Мать умирает, бредит былой казахской жизнью в степи. Просит, чтобы я раздобыл ей казы, которое коптилось именно на кустанайско-тургайской берёзе. Здесь, во Франкфурте, большая диаспора казахов из Турции, но у их колбас запах совсем иной. А вы из Астаны, там же, на севере Казахстана, родился и я. Қазақша білемін (знаю по-казахски). Вот мать и просит уже которую ночь, чтобы я ей нашёл казы, хочет ещё раз, хотя бы перед смертью, вдохнуть сладостный запах нашего Казахстана.

Среди прилетевших со мной был один командированный, у которого оказался небольшой кусок казы именно из тех самых мест. И когда Вольдемар (так звали нашего казахстанского немца) с благоговением взял этот крошечный заветренный кусочек в руки и, спешно обняв нас, побежал с ним к своей умирающей матери, я понял, что есть в этом мире вещи, неподвластные логике и расчёту.

Сейчас мы живём в эпоху цифровых технологий. Передвигаемся по миру и в мыслях. Живём каждый в своём пространстве, в разных странах и на разных континентах. Но у каждого есть реальное место рождения, как и место последнего пристанища родителей и предков. Не все могут его навестить... И, находясь где-нибудь в Германии, в США или Израиле, человек ведёт мышкой своего компьютера по системе «Google-Планета» в поисках своего места рождения, находит холмики могил родителей. И скупая слеза отчаянно катится на клавиатуру сквозь синий просвет монитора, унося с собой светлую печаль прошлого.

СЕМЕЙ – АБАЙ

В июне 2011 года, в канун моего юбилея, шестидесятилетия, выпала мне поездка на два-три дня в духовную Мекку казахов – Семей, Борили, Жидебай, Караул... Это был где-то и мой отчёт перед предками Мурата Ауэзова, в первую очередь по завершению издания пятидесятитомника Мухтара Ауэзова, двухтомника Шакарима, книг стихов и поэмы Абая, Жусупбека, Султанмахмута Торайгырова...

Мурат-ага охотно согласился на эту поездку, подкорректировав свои планы на этот месяц. В эту группу паломников земли Абая, Шакарима, Мухтара Ауэзова вошли мы с Гульнар, мой брат Ерулан – меценат, композитор и бизнесмен, друг нашей семьи Берик Барысбеков – предприниматель, издатель и продюсер ряда кинопроектов, Гульбану Укетайкызы – кинорежиссёр, Чингиз – дипломат, сын моего брата Сержана, и, разумеется, Мурат Мухтарович Ауэзов. А организовали эту памятную для меня и моих друзей поездку ректор университета имени Шакарима, профессор, академик Ерлан Батташевич Сыдыков и его супруга, профессор, несравненная Шырын Курманбаева.

Для меня эти места близки и знакомы с самого детства, когда я приезжал на лето школьником к своей сестре Жемис, отсюда же родом и наш знаменитый жезде-генерал Барьян Турсунов, который был женат на сестрёнке моего отца Манаре. И всё же образ Абая я познал позже, чем творчество Султанмахмута Торайгырова, чья юность и очень короткая жизнь (27 лет) тесно были связаны с этим городом Семей.

Начиная с юности я был знаком с его стихами, в моей библиотеке есть сборники его стихов, составленные Сатимжаном Санбаевым и Александром Лазаревичем Жовтисом (Алматы и Москва). К сборнику «Огонёк в степи», выпущенному в Москве, в издательстве «Художественная литература», предисловие написал Мурат Ауэзов: «Произведения, вошедшие в этот сборник, принадлежат перу поэта, творческим наследием которого дорожит казахский народ, унаследовавший от предыдущих поколений акынов, сказителей, создателей эпических поэмы высокое вдохновение, способность творить и ценить художественное слово».

В издательском доме «Жибек Жоль» совместно с Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова подготовлено к изданию трёхтомное собрание сочинений великого казахского поэта-просветителя Султанмахмута Торайгырова.

Султанмахмут Торайгыров – выдающийся казахский поэт-демократ начала XX века. В творчестве поэта доминируют те интересы и устремления народа, которые были характерны для передовой части казахского общества. Основные мотивы поэтических произведений С. Торайгырова – это поиск путей преобразования и обновления жизни. За короткий период своей яркой жизни поэт досконально изучил лучшие образцы мировой литературы той эпохи, а также труды по истории, философии и общественного уклада восточных, западных и русских мыслителей. Всё это не могло не отразиться в творчестве поэта. Необходимо отметить то, что начало двадцатого столетия было своеобразным ренессансом в культурном, литературном и научном развитии Казахстана. Появилась целая плеяда достойных представителей казахской интеллигенции, «равных по уровню миру всему».

Научное и творческое наследие Чокана Валиханова, Махамбета Утемисова, Абая Кунанбаева и многих других духовных представителей XIX столетия было своеобразным базисом и литературным ландшафтом, без которых невозможно дальнейшее развитие казахской литературы в историческом контексте новой эпохи.

Шакарим Кудайбердиев, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Магжан Жумабаев, Жусупбек Аймаутов, Бернияз Кулеев, Сакен Сейфуллин, Ильяс Жансугуров, Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев – вот далеко не полный перечень классических имён казахской литературы, культуры и науки начала прошлого столетия. И среди этих представителей, родоначальников казахского романа и казахской драматургии, основоположников энциклопедических и академических знаний в различных областях науки и просвещения имеет своё историческое место и получило народное признание имя поэта и просветителя Султанмахмута Аубакировича Торайгырова, несмотря на его очень короткую жизнь.

Султанмахмут Торайгыров родился в 1893 году. Детство поэта прошло вблизи родового поместья у озера Торайгыр, что находится в Баян-Ауле. Талант поэта проявился и сформировался рано, и к четырнадцати годам он уже является автором ряда стихотворений, а через несколько лет, начиная с 1912 года, регулярно публикует свои поэтические произведения на страницах газет и журналов того периода – «Казах», «Алаш», «Сарыарка». В журнале «Айкап», издаваемом в Троицке, он некоторое время работает ответственным секретарём, затем несколько лет живёт в Семипалатинске и в Томске, занимаясь самообразованием и повышая свой литературный потенциал, общаясь в культурной и литературной среде этих городов, однако в связи с ухудшением состояния здоровья возвращается в Баян-Аул. Здесь он завершает свои лучшие и наиболее значимые поэтические произведения – поэмы «Заблудившаяся жизнь», «Бедняк». Умер Султанмахмут Торайгыров от чахотки 21 марта 1920 года.

В первый том полного собрания сочинений С. Торайгырова вошли стихи дореволюционного периода. Основу тома составили издания поэта 1922, 1933, 1950, 1967 и 1993 годов, а также произведения, опубликованные на страницах казахской печати начала прошлого столетия, представляющие собой художественную и научную ценность литературного наследия Султанмахмута Торайгырова. Была проведена обстоятельная текстологическая экспертная работа с привлечением и более поздних изданий поэта.

Во второй том С. Торайгырова вошли стихи, написанные с 1917 по 1920 годы. Характерны названия этих стихотворений: «Жас жүрек», «А, дүние», «Осы да әділдік пе?», «Өмірді үзіп алуы» и многих других поэтических произведений, раскрывающих мировоззрение лирического героя, его развитие и становление в историко-литературном контексте начала двадцатого столетия. «Попытка осмыслить место индивида в грандиозных, космических масштабах пространства и времени – явление, не имевшее аналогий в казахской поэзии прошлого. Частицей вечной, неистребимой, огненной материи ощущает себя лирический герой поэзии Торайгырова», – так характеризует творчество поэта известный учёный Мурат Ауэзов в своём предисловии к нотомнику С. Торайгырова, изданному в Москве полвека тому назад. Наряду со стихами во втором томе С. Торайгырова опубликованы крупномасштабные произведения – поэмы «Жаркынбай», «Таныстыру», «Адасқан өмір», «Кедей», «Қайғы», «Айтыс», а также роман «Қамар сұлу».

Тексты настоящего тома выверены с предыдущими изданиями поэта-демократа Султанмахмута Торайгырова. В этом томе также впервые публикуется фотография поэта с его автографом, обнаруженная в одном из архивов Казахстана.

Статьи С. Торайгырова часто публиковались в журнале «Айкап», который издавался в 1911–1915 годах. В них поэт-демократ призывал молодёжь быть в русле прогрессивных и демократических преобразований новой эпохи:

«Учиться достижениям Европы. Знать не только бога, но и историю родного народа. Надо больше общаться с передовыми нациями. Свобода, человечность, искренность должны сопровождать нас к единству. Довольство собой тянет назад, делает глухим к образованию. Надо иметь внутреннее достоинство, стремиться стать вровень с ушедшими вперёд.

Все идут вразброд настолько, что не верят тому, кто говорит о благе народа. Нет единства, и из-за этого отстали мы от других. Откройся миру, молодёжь, учись науке, воспитывай сама себя, займись земледелием».

В третий, заключительный том поэта Султанмахмута Торайгырова вошли его письма и документы, связанные с творческой деятельностью поэта, а также ряд воспоминаний и статей о нем, о влиянии его творчества на последующий рост казахской литературы. В этом томе также даны материалы с празднования 100-летия поэта, которые прошли в Павлодаре и Баянауле в 1993 году.

Настоящее полное издание сочинений великого поэта, демократа и просветителя С. Торайгырова расширяет представление о казахской литературе и культуре сложного исторического периода – начала двадцатого столетия, явившегося переломным в истории человечества.

* * *

По прилёту в Семей окунаешься в мифическую, магическую атмосферу этого благодатного края.

«Сын человеческий приходит на этот свет плача и уходит в печали. Между этими двумя судьбоносными вехами времени люди проходят весь свой путь, так и не успев понять, в чем вся прелесть жизни, подозрительно выслеживая других, хвастаясь друг перед другом. И когда так пролетает вся бесценная жизнь, заполненная бесполезным пустяками, вдруг оказывается, что за все свои накопленные богатства не купить ни одного лишнего дня жизни.

Жить, надеясь на свою хитрость, завидовать чужому добру, попрошайничать, таскать у других – дело, достойное дворовых собак. Надеяться надо на Аллаха, потом на себя, трудись в поте лица своего, если будешь трудиться, то и голая земля воздаст плодами».

Абай, «Назидания», слово четвёртое, перевод А. Кима.

Через город Семей проходил древний кочевой путь, здесь, на стыке Востока и Запада, Казахстана, Китая, Центральной Азии и России в 1917 году было создано государство «Алаш», по Иртышу через Кереку – Павлодар устремлялись в Омск многие достойные сыны казахского народа.

С городом Семей связано многое из биографии Абая, Шакарима, Мухтара Ауэзова. Один день был насыщен встречами в Университете им. Шакарима, с читателями библиотек и посещением художественной галереи Николая Рериха, а следующий день был полностью отдан дороге с расстоянием почти двести километров от Семей до урочища Жидебай.

Эта дорога словно святые страницы эпопеи раскрылась перед нами, погружая в литературную летопись жизни Абая, Шакарима, Мухтара Ауэзова и многих их современников – Ахмета Байтурсынова, Мыржакыпа Дулатова, Магжана, Турагула, Кокбая, Каныша Сатпаева, Алькея Маргулана...

Начиная с окраины Семей, местечка Шагыл, где когда-то старший сын Абая Акылбай сложил песню на перевод Абаем стихотворения – песни Антона Дельвига «Не осенний мелкий дождичек» нам открывались за каждым поворотом, за каждой возвышенностью былинные картины прошлого. О местах перевала Кушикбай Мухтар Ауэзов поведал в рассказе «Сиротская доля». Здесь же скончался

известный поэт Кокбай, вблизи единственного источника пресной воды в этих местах. А с родом Кандыбай-Каной связано знаменитое стихотворение Абая «Зима».

Борили – это место рождения Мухтара Омархановича Ауэзова. По просьбе Ауэза, деда Мухтара и с согласия Абая они переселились в эти края в конце XIX века из местности Кызыл Шоқы, что находится у отрогов Чингисских гор. Отец Абая – Кунанбай – зять Ауэза. Его жена Нурганым была сестрой Ауэза.

Мухтар Ауэзов родился 28 сентября 1897 в местности Аяккараган, расположенной в полутора километрах от зимовья Борили. Эти места чтимы казахами, как родина гения казахской словесности. Многим родным, близким Абая, Шакарима, Мухтара Ауэзова установлены в настоящее время мавзолеи и памятные плиты от благодарных потомков.

Бабушка Зере была чудесной рассказчицей. Первые сказки и преданья, первые эпосы и сказанья были услышаны юным Абаем от бабушки Зере и своей матери Улжан. А у Шакарима и молодого Мухтара Ауэзова был непревзойдённый образ и трагедия великой любви – «Енлик – Кебек».

Всем известна постановка этой трагедии, этих Ромео и Джульетты конца XVIII века, по пьесе молодого Мухтара Ауэзова в одном из родных аулов, когда сценой для этого спектакля стала раздвинутая кереге и остовы двух юрт.

Памятник Енлик-Кебек и места, где они хоронились от несправедного гнева предводителей аулчан – это вечная память любви. И многие, не только из родов Тобыкты-Матай-Найман, помнят эту печаль, идущую из сердец влюблённых, благодаря пьесе Мухтара Ауэзова.

А на мемориальном комплексе «Абай и Шакарим» я по просьбе Мурата Ауэзова прочёл два своих перевода – вольные переложения из Абая и стихотворение Шакарима «Толстосумь».

Мотивы Абая

I

*Не знаю, как я жил до нынешнего дня,
И пройдено, и видно немало.
В любви и в спорах сердце отпылало,
Покой в душе моей. Былого нет огня.
Что в этой жизни остаётся для меня?
Мне, грешному поэту, не пристало
Себя Аллаху посвящать, стихи кляня;
Аллаха моё сердце не искало.*

*Приумножить стада, увольте, не хочу.
И степью управлять, увы, не по плечу.
Не облегчить людские мне страданья.
И свои мысли, и живую свою речь –
Всё это в СЛОВО остаётся мне облечь.
Тебе, о человек, мои признанья!..*

II

*Не изменить судьбы, увы, не изменить,
Смех, игры, похвала, пиры, друзья, творенья
И женищина, чью страсть, казалось,
не забыть –
Всё это жизни мимолётные явленья.*

*Вкусивши раз, нам не уйти
от наважденья,
Влечёт и губит нас невидимая нить.
Пусть зыбок этот мир,
нам незачем тужить;
Дано судьбою это чувство пресыщенья.*

*О быстротечность счастья! –
Начало и конец.
И пусть ты, мусульманин,
мудрец или глупец,
Аллаху всё одно, нет разницы большой.*

*Зря ищешь свой приют ты
в хаосе пространства,
Живому существу нет
в мире постоянства.
Изменчив человек – и сердцем, и душой.*

III

*О мой народ, послушай речь поэта,
Самовлюблённости чалму приподними,
Ты моё слово сокровенное прими,
Внимай всем сердцем моему совету.*

Как жажду утоляешь в полдень лета –
Так чащу мудрости из рук моих возьми.
Глотками пей, не расплеци всё это.
И ты всё это светлым разумом пойми.

И пусть джигиты праздные узнают,
Как уберечься им от пагубных вещей;
Их карточный азарт сопровождают

И лень, и вино,
распутство средь ночей.
И души их пороки развращают,
Впиваясь в кровь и в плоть, –
страшнее нет клещей.

IV
Передо мной Всевышнего аяты. –
Вершите добрые дела, – гласит Коран.
Не требуют людской за это платы
Благоденья правоверных мусульман.

Тысячелетней мудрости трактаты,
Не приукрасить их примерами обман,
Не скрыть души безнравственной изгян,
Грехи свои не спрятать под халаты.

Не только воздаянием молитвы
Ты выйдешь победителем из битвы.
Не принимай в награду скот иль серебро.

И, веру постигая, не под страхом
Будь, аульчанин, чист перед Аллахом.
И – на земном пути спеша творить добро.

Толстосумы. Сильные мира сего (из Шакарима)

Толстосумы миром правят,
молвят, что в делах верны,
И друг друга в мире славят,
утверждают, что честны.
Понял я, быть может, поздно –
нас куда они ведут,
Эти умыслы и козни,
что не каждому видны.

Расскажу о них, послушай,
может быть, и ты поймёшь,
Беспринципные их души
ты в любом краю найдёшь.
Распознать в степи нетрудно
толстосума-главаря.

Он всемогущ, чист наружно,
но видна в поступках ложь.

Всех купил своим богатством,
думает, что мир – его,
Словно управляет царством,
не жалея никого.
Если ты перечить станешь,
голову снесёт тебе
Иль тебе силки расставит,
не оставив ничего.

Иль тайком натравит
свору кровожадную собак.
Может быть, спасёт в час ссоры
жизнь твою животный страх,
И безвольно на колени
с возгласом: «Прости, таксыр!»
Рухнешь, став рабом и тенью,
свой же приближая крах.

Будешь близок с ним – возвысит
и тебя он до небес,
Приобщиит тебя к корысти,
и в тебе родится бес,
Бес господства над народом...
Но останешься рабом –
Внешне вроде благороден,
но во лжи погрязший весь.

Ты мечты его лелеешь –
если преданно глядишь.
Перед ним от страха млеешь,
ночи напролёт не спишь.
В безграничной его воле –
миловать или казнить,
Рабскую под гнетом долю
ты в краю родном влачишь.

Ты приказы исполняешь,
предаёшь своих друзей,
Волею его караешь,
сеешь страх среди людей.
Исполнительным орудьем
стал в руках владыки ты,
За него готов встать грудью,
ты – звено его цепей.

Победив ценой любовью
ненавистного врага,
Он пожертвует тобою
в нужный час исподтишка.

Обронив слезу пустую
над судьбою злой твоей,
Он забудет подчистую
о тебе наверняка.

Себялюбей, знать не хочет,
чем обязан миру он,
Он себя в пророки прочит,
в кознях дьявольских силен,
И возносится всё выше,
о Всевышнем позабыв,
И Всевышнего не слышит,
жаждой власти оглушён.

Кто виновен в этой жизни,
только ли ему судить?
По одним справляет тризну
и других готов забыть.
Собеседник с чистым сердцем,
рассуди своим умом,
Может ли единоверцем
зваться он в краю родном?

И за ним, быть может, правда,
и за ним, быть может, путь?
Может быть, он чью-то волю
исполнял, и в этом суть?
Может быть, свою же долю
проклинал, когда вершил?
Может, мысли о народе
и его терзали грудь?

Может быть, несправедлива
память о его делах?
Может, кто-то молчаливо
переборет этот страх?
Собеседник мой, подумай
обо всём, что говорю,
Показал я толстосума,
да простит меня Аллах.

Толстосум уверен в жизни,
утверждает: «Я – есть Бог!»

Не потерпит укорижны
он от тех, к кому жесток.
И хотя Всевышний терпит
толстосума-главаря,
Знаю, после его смерти
будет счёт предъявлен в срок.

О, Аллах, прости нас, смертных,
за крамольные стихи,
Может быть, и мысли эти
пострашнее, чем грехи,
Милости твоей нам хватит
на земную нашу жизнь,
Разве толстосум оплатит
те грехи, что велики?

Вы не слушайте, джигиты,
речи толстосума, он
Со своею сворой-свитой
в небесах приговорён.
Только лишь Всевышний знает
душу каждого из нас,
Ибо он лишь утверждает
жизни праведный закон.

Очевидец

Памяти Мухтара
Омархановича Ауэзова

Свидетелем он был эпохи,
Он обожжён её крылом.
Биографические сроки
Казённым пахнут сургуком.

Угрюм, бесстрастен и спокоен.
Неужто выпита до дна
Та чаша мирных лет и войн,
Что каждому в пути дана?..

Но плавится сургуч запрета
Скупой непрошеной слезой...
И – обнажлась суть предмета
Молнией предгрозовой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ВНЕ ЭПИЛОГА

После кончины Мухтара Омархановича Ауэзова ровно шестьдесят три года жизни и деятельности отвёл Всевышний его сыну Мурату Мухтаровичу Ауэзову. Возраст Пророка – Пайгамбара. Они и навеки рядом. Отец и сын. На центральном кладбище Алматы...

Вот прощальные слова печали, опубликованные в те дни в «Новой газете» и в «Казахстанской правде».

*Олжас СУЛЕЙМЕНОВ,
поэт, директор Международного
Центра сближения культур
под эгидой ЮНЕСКО*

ХОЖДЕНИЕ К КОЛОДЦАМ ВРЕМЕНИ

Памяти Мурата Ауэзова, который был «невежлив» в поисках истины

Ушёл Мурат Ауэзов. В это трудно поверить особенно тем, кто знал его с самого начала жизненного пути. В последние годы он проходил лечение в зарубежных клиниках. И, наверное, мог бы пожить ещё, если бы согласился вновь съездить туда в этом году. Но он почему-то не поехал.

...Биография Ауэзовых – это история нашего народа в XX веке. Мухтар Ауэзов – единственный творец казахской культуры, переживший эпоху, когда лучших сыновей народа уничтожали доносами (привычка, от которой сих пор не можем избавиться).

Это был трагический период нашей истории, длившийся до самой смерти Сталина. Казахстан тогда превратился в большой испытательный полигон – в те годы испытывали не только атомные бомбы, но и целые народы. Многие прошли через наши степи. Ссылные народы, уничтожаемые народы. Уцелевшие закалились. Но почти всех сколько-нибудь значимых литераторов, лингвистов, деятелей политики и культуры расстреляли. Имена тех людей мы вспоминаем, осознавая потерянные возможности их прерванных биографий.

Среди них чудом уцелел Мухтар Ауэзов. Неслучайно его товарищи погибли, а он как пайгамбар остался, чтобы помочь нашему народу наконец обрести себя.

История Мурата – это вторая половина XX века, когда после десятилетий молчания выдвинулись вперёд новые литераторы, критики и поэты, чья творческая энергия передавалась народам, пробуждая в них реакции чести на маршрутах в будущее.

Его главной темой было погружение в историю – «хождение к колодцам времени», чтобы осмыслить финал конно-кочевой цивилизации казахов и определить её начало в пространстве мировых культур. Читая в подлиннике древнекитайскую литературу, открывая историю стран Востока и Запада в их связи с историей казахов, он стремился всегда быть в курсе мировых событий. Наделённый бойцовским характером, при всей своей природной деликатности, он был «невежлив» в поисках истины.

Он остро ощущал, что набор разрозненных, лишённых внутренней взаимосвязи фактов прошлого – ещё не история. Подлинная история была для нас под запретом, который мы преодолевали, уходя на недоступные для истории казахов глубины. Против фрагментарности исторической памяти восстал сын Мухтара Ауэзова и всё наше поколение, находившее вопросы в толпе восклицательных знаков официальной пропаганды, главным из которых был и остаётся «кто мы?».

Всё это выразилось в его биографии, в его отношении к стране и людям. Он не стал великим романистом как отец, но принимал самое активное участие в судьбе культуры: создание молодёжной организации «Жас тулпар», V Конференция писателей стран Азии и Африки, годы вдохновенной работы над темой «Эстетики кочевья» – сборника, изъятого и уничтоженного после запрета «Аз и Я», многочисленные степные экспедиции, активное участие в первых акциях «Невады – Семипалатинск», дипломатическая ссылка послом в Китай...

В последние годы мы работали в «Сенате аксакалов», где Мурат был самым младшим. Естественно, и этот Сенат был со временем закрыт. На его заседаниях раздавались мысли, которые, вероятно, тревожили самые вершины нашей власти. Хотя это были обыкновенные рассуждения интеллигентных людей. Видимо, те мысли тревожили не очень спокойное состояние тех, кто считали себя руководителями и духовными вождями нашей страны и народа, хотя они могли бы поучиться у этого Сената умению видеть и слышать общественное мнение.

Я благодарен Мурату за годы, пройденные вместе.

*Сагымбай КОЗЫБАЕВ,
президент Академии
журналистики Казахстана,
доктор исторических наук,
профессор*

МУРАТ АУЭЗОВ...

***Мятущаяся сократовская его душа не давала покоя.
Всю жизнь. Полвека он, как никто другой, по сути, жил
и дышал состоянием духа нации. Уникальная, раз в века
рождающаяся личность.***

Его уход потряс всю страну. И говорить о Мурате Мухтаровиче не так просто, ибо вместе с ним ушла целая эпоха. Чтобы осмыслить потерю, надо время. Конечно, мы знали: после своего юбилея, повсеместно торжественно отмеченного всей страной, он болел, не выходил на публику.

И всё же. Он незримо был с нами. Каждую пятницу – святой для мусульманства день – он отправлял всем близким своё пожелание благополучия на фоне мечетей мира, как бы говоря: я с Вами, мои соплеменники. Пусть будет светлым очаг Ваших домов!

Его обитель высоко в горах была Меккой единомыслия. Будучи оптимистом и нежным человеком, он говорил всем проходящим лишь тёплые слова. Ни намёка на минор и грусть, он жил заботами и делами страны, славного отца, близких друзей, от него исходил поток бесконечного позитива. Как ребёнок радовался успехам друзей. Он явил миру непреходящий постулат: надо быть патриотом, быть порядочным в поступках, быть снисходительным к людям, думать о них хорошо, плохо всегда успеешь. И непременно широким душой: «Кең болсаң – кем болмайсың». Урок подлинного Просветителя и Гуманиста!

Бесценную книжицу «Тамыр тамыров» посвятил 70-летию Мурата Мухтаровича Герольд Белгер. Лучшие о М. Ауэзове никто всеобъемлюще не высказался – честно, открыто, любя, восхищаясь, восторгаясь и переживая заодно.

Мурат Мухтарович был академиком Академии журналистики Казахстана, членом редакционного совета журнала «Мысль», других отечественных и зарубежных изданий, членом Совета по творческому развитию обеих вечерних газет Алматы. Признателен судьбе, что в 2018 году стал инициатором и составителем книги о нем в формате ЖЗЛ.

И ещё. Об освещённости Мурата Мухтаровича его гениальным отцом. «Бұл балада қан бар» (у него есть стержень) – гордо сказал как-то о юном сыне Мухтар Омарханович.

Теперь они покоятся рядом. Отец и сын. Две недосыгаемые горные вершины. Мыслей мудрых мудреца Мурата миг! Как нам этого не будет хватать!

Р. С. Мои коллеги – члены Академии журналистики Казахстана присоединяются к словам прощания с Муратом Мухтаровичем.

Пусть небеса примут в своё лоно незаурядную Личность.

Академики Академии журналистики РК: О. Сулейменов, С. Матаев, А. Караулова, В. Жандаулетов, Б. Канапьянов, А. Акимбек, Ж. Омаров, Р. Кул-Мухаммед, А. Байтасов, Е. Бекхожин, Б. Жексенбай, А. Устиненко, У. Есдаулет, К. Хангельдина, Н. Мухамеджанова, А. Аренова, Н. Жусип, С. Пономарев, А. Краснер, Д. Мынбай, Т. Кульмухамедов, Т. Есильбаев, А. Сагимбеков, С. Апарин, А. Сандыбай, Ю. Беккер, М. Садык, Н. Шаяхметов, Б. Жакыл, Н. Куантаев, К. Сак, Н. Нургазин, А. Орынбаев, С. Козлов, Б. Нусымбеков, А. Косанов и другие.

Булат ХУСАИНОВ, профессор

«МИР КОЧЕВЬЯ» И «ОСЕВАЯ ЭПОХА»

Для Мурата Мухтаровича конно-кочевая цивилизация была символом свободы, силы и независимости, а кочевые народы – источником вдохновения и силы. Он был абсолютно убеждён, что «...мир кочевой архаики является одним из основных факторов, придающих современной казахской культуре черты своеобразия и неповторимости. В нём заключён конкретный исторический опыт народа, его традиционное мировидение, этика и эстетика, его искусство. И на всём этом лежит печать постоянного движения, перемещений и рождённого ими своеобразного отношения к пространству и времени» («Времён связующая нить», 2016 г.). Кочевье и оседлость, отражающие единство динамики и статики, в его трактовке – это «естественность бытия». По его мнению, «кочевье как состояние движения – одно из универсальных состояний общечеловеческой истории, и не только прошлой. Проблема “человек и пространство” остаётся актуальной и для современных поколений. Идея пути, одухотворившая художественное творчество кочевников, не может оказаться архаичной в век, когда так остро и многогранно стоит проблема выбора и перемен, новых бросков в пространство».

Уверен, что образ и дух Кочевника проник в глубину сердца Мурата Мухтаровича. Осмелюсь утверждать – рождение движения «Жас тулпар», одним из основателей и лидеров которого он является, связано с Кочевником.

«Осевую эпоху» также называют «эрой пророков», ибо, как пишет М. Ауэзов, «это время характерно появлением... большого количества пророков. Ни один историк или философ культуры не смог бы составить целостное представление о своём предмете, если бы упустил из виду события этого периода. Не случайно Карл Ясперс отводит ему роль “осевой эпохи” (800–2000 до н. э.)». К авторитетнейшим именам «осевой эпохи» он относит людей, ставших «символами мировых религий, больших, как материки, религиозно-философских систем» – «Конфуций и Лао-Цзы в Китае, Будда в Индии, Заратустра в Персии, палестинские пророки...».

Мурат-ага прожил яркую и счастливую жизнь, достойно оправдав имя своего отца – великого классика Мухтара Ауэзова! Светлая память о замечательном, глубоко порядочном человеке навсегда сохранится в памяти друзей, соратников и коллег, почитателей его уникального творчества.

ПУТЬ К АБАЮ

Указом Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Кемелевича Токаева 2020 год был объявлен Годом Абая, он посвящён 175-летию со дня рождения поэта, мыслителя, философа.

День Абая (10 августа) – священная дата!

День рождения поэта, мыслителя, философа – дата святая!

И не только в дни пандемии, когда нас объединяют бессмертные ценности Творца, но из прошлого наших родителей с духовной перспективой на наше будущее, будущее наших детей и внуков. «Абайлы бол!» – говорили нам в юные и молодые годы. Будь осторожным, береги себя! И в то же время в этом завете предков на молекулярном уровне рождается желание по духу, сердцу и судьбе – Быть Абаем! В своих помыслах и в своём творческом устремлении. Как в добрые старые времена, принято вести отчёт своего творчества перед определённой датой. Я не исключение...

Выставляя свой отчёт перед памятью Абая, поздравляю с этим праздником, который законодательно зафиксирован как День Абая на календарях нашего бытия. Быть Абаем!

1. Абай: жизнь и творчество. Документальный фильм, 1983 г. «Казахфильм». Приз Всесоюзного фестиваля документальных фильмов. Режиссёр Тимур Аргинчиев. Автор сценария Б. Канапьянов.
2. Последняя осень Шакарима «Казахтелефильм», 1992 год. Полнометражный фильм. Режиссёр Тураш Ибраев. Автор сценария Б. Канапьянов.
3. Переводы стихов Абая (публикации в России и в Казахстане).
4. Абаевский календарь, 1995 год. Составитель Б. Канапьянов (язык казахский, русский). Рецензия Льва Озерова – «Календарь или Антология?» («Литературная газета», май 1995 г.)
5. Торжественное заседание, посвящённое 150-летию Абая, Алматы, Дворец Республики (с участием Генерального секретаря ЮНЕСКО Федерико Майора). Доклад «Слово об Абае» Президента Казахстана Н. А. Назарбаева. Гала-концерт с участием мастеров искусств Казахстана и стран СНГ. Режиссёры-постановщики: А. М. Мамбетов, Р. С. Андриасян. Автор сценария и консультант – Б. Канапьянов.
6. Год Пушкина и Год Абая, статья. «Литературная газета», 2005 год.
7. Шакарим, на казахском языке, в двух томах, 2006 год. Составитель Б. Канапьянов.
8. Русские поэты и Абай, статья. «Литературная газета», 2015 год.
9. «Первая книга Абая» («Литературная газета», Москва, 2020 год, 22 июля).
10. «Абай», 2019 год, издательство «Жибек Жоль». Составитель Б. Канапьянов (канонические тексты), язык казахский.
11. Абаевский ежедневник, 2020 год. Составитель Б. Канапьянов (язык казахский, русский).
12. Академическое полное собрание сочинений М. О. Ауэзова в 50-ти томах. Составитель и редактор русских текстов Б. Канапьянов (1997–2014 гг.).
13. Издание романа-эпопеи «Путь Абая» в новом переводе А. Кима, 2007–2017 годы издания (5 переизданий). Редактор и руководитель издательского проекта Б. Канапьянов.
14. «Радужно распахнуты двери Поэту». Статья Б. Канапьянова об Абае в «Казахстанской правде», 2020 год, 20 мая.
15. «Пространство души казаха», статья Б. Канапьянова в журнале «Профиль», Москва, июль 2020. По заказу МИД РК.
16. Передача об Абае, ведущая – С. Коковинец, «Абай TV», июль 2020 год.
17. «Мотивы Абая» – цикл стихов Абая в переложении Б. Канапьянова (книга «Достояние души», Жан Бахыт, 2018 год.)
18. Абай, книга переводов стихов Абая на русский язык и далее на 10 языков мира. Вступительное слово Президента РК Касым-Жомарта Токае-

ва. Составитель Б. Канапьянов. Бюро переводов, Нур-Султан, Издательство МГУ им. Ломоносова, Москва, 2020 г.

* * *

А 25 октября 2021 года в Национальной библиотеке РК прошёл круглый стол «Векзамеры Жана Бахыта», посвящённый моему семидесятилетию. На мой взгляд, очень содержательным был доклад Игоря Крупко, что отметил Мурат Мухтарович в своём выступлении.

Я сидел между двух моих старших братьев – моих учителей по жизни, тенгрианскому духу и своей писательской судьбе. Патриарх нашей литературы и науки Олжас Сулейменов поздравил меня и моих друзей по Казахстану и далее по миру, по времени и пространству с этой датой. А Мурат-ага в своём выступлении провёл своеобразную линию судьбы осевого времени. Без ложной скромности, без лукавства привожу эти святые слова моих старших братьев.

*Олжас СУЛЕЙМЕНОВ,
поэт, директор Международного центра
сближения культур под эгидой ЮНЕСКО*

СЛОВО О ЖАНЕ БАХЫТЕ

Интересно, сейчас мы прошли с Бахытжамал² по фойе, полчаса ходили, смотрели все развороты с именем Жан-Бахыт, Бахытжан, стихи, выступления его в газетах и журналах. И я подумал: это к 70-летию целое фойе заняло, а к 80-летию что будет? Там уже не вместится это всё. Потому что он очень в этом отношении активный человек. Я его знаю уже полвека. Мы начинали в Союзе писателей, где я был первым секретарём, а он – мне помогал в работе... И выяснилось, что он кроме такой организаторской работы очень хорошо владел пером, являлся талантливым молодым поэтом.

Довольно много успел за это время написать, я не всегда следил за нарастанием его творчества. По отдельным его выступлениям, по отдельным наградам узнавал, что он идёт нормальным путём. Нормальным – как любой классик, приближается к каким-то важным ступеням. Не на лифте поднимался, а по ступенькам. Вот это я советую даже нашим государственным мужам, развивать именно такую систему кадрового потенциала. Не на лифте подниматься со дна общества, как взлетают некоторые люди и оказываются на самом верху Олимпа. А потом и сами растерянные, не знают, что делать, и заваливают своё дело, но продолжается это, к сожалению. А вот такой путь – он естественный, нормальный, природный. Этим путём прошёл и наш юбиляр.

У японцев есть интересная традиция: когда поэт или философ достигает определённого возраста, он меняет своё имя и этим самым определяет, сохранилось ли в его творчестве что-то такое, что привлекает внимание читателей и почитателей. Вот и он поступил так же: через некоторое время его стали называть вместо «Бахытжан» – «Жан Бахыт». И в этом качестве он тоже обрёл и читателей, и почитателей, и не утратил, а нарастил. Желаем ему в этом деле больших успехов и дальше, а потом, через некоторое время, ещё одну какую-нибудь редакцию имени сделает, и таким образом он обогатит нашу литературу и этим вариантом тоже. Сейчас поздравляю тебя с этой встречей с друзьями и с этой датой, Бахытжан – Жан Бахыт!

² Б. Оспанова – директор Национальной библиотеки РК.

Мурад АУЭЗОВ,
заслуженный деятель РК,
президент Фонда имени Мухтара Ауэзова

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО ПРОСТРАНСТВА

Бахытжан, тебе двойное спасибо. Во-первых, ты состоявшийся и очень большой писатель, гуманист, и я очень рад, что Игорь Крупко так вдохновенно написал, и это, произнесённое сейчас, – доказательство совершенства, которым обладает твоё творчество. Мне здесь не раз приходилось бывать, и, наверное, Игорь Владимирович здесь не в первый раз выступает, но я – впервые слышу и очень рад за всех будущих участников разного рода конференций. Это очень такое тонкое, глубокое и очень профессиональное проникновение в мир Бахытжана.

Может быть, свыше пятидесяти лет прошло, когда мой друг по жастуларовским годам Марат Балтабаев привёл тебя в нашу среду... Мы в яблоневом саду играли в футбол, бывшие жастуларовцы. И вот, привёл Марат Балтабаев молодого человека, он включился в игру, оказался невероятно спортивным, потом узнали, что у него 1-й разряд по боксу и так далее. Ну а в футболе в тот день он показал высший класс и вот с этого началось приятие тебя полностью нашей средой.

Потом уже пошли годы очень многих встреч, совместных поездок. И пространства самые разные: горизонтальные, вертикальные, горы и так далее. Мы с тобой вместе одолевали разного рода экспедиции, и костры, и на дороге сидели, когда машина сломана и неизвестно, когда помощь откуда-то придёт. И в этой дальней дороге, в этом пространстве Бахытжан себя очень комфортно чувствовал, и тем завоёвывал сердца бывалых путников, странников. Ну даже чего стоит одна эта поездка «Каспий: нефть и культура», когда мы объехали вокруг Каспия целый ряд городов с Мангышлака. Он – человек дороги, большого пространства. Дорога проверяет человека, и здесь есть ещё одна особенность: у тех же самых костров, я помню, мне было приятно осознавать, что я причастен к рекрутированию Бахытжана для участия в той или иной экспедиции. Мы все с удовольствием слушали его стихи. Поразительная особенность: негромко, но как точно и хорошо воспринимаются эти стихи в естественной среде.

Мне посчастливилось знать Сержана – старшего брата и вообще семью Канасьяновых. Это потомственные просветители. Просветительство в разные эпохи имеет разное содержание. К примеру, обаяние настойчивости экспансионизма. Кто-то просвещал головы для грядущей революции во Франции, в Европе. А у нас просветительство – то, которое, мне кажется, свойственно и твоему отцу, – это те самые просветители традиции алашординцев, школы Абая, и в конце концов это ответ на те тревоги, которые очень горько прозвучали в стихах поэтов течения «Зар заман». «Зар заман», то есть «наступающее лихолетье», – апокалиптическое направление в литературе. Тогда стоял вопрос «быть или не быть?». Абай был теми же вопросами озабочен. Но они ставили вопросы, они выражали эту мучительность сомнений относительно будущего своего народа. Абай искал и находил ответы. И, конечно, алашординцы и великая школа, великая духовность, великое мужество алашординцев, а там включается такой компонент как «мощное знание», «обязательное знание», это ренессансное «сегіз ырлы, бір сырлы»... Вот такой поэт, знающий очень много и очень всерьёз воспринимающий всю ту действительность. «Быть или не быть?» – такой вопрос стоял. И эта традиция сообщает некую особенность нашей поэзии, настоящей поэзии и литературе. Высокое просвещение во имя выживания. Бахытжан во многом органичен этой традиции, приобщён к ней. Потому что воспитание такое, среда такая и гены, если хотите, такие: педагогические, просветительские, высочайшего уровня, высочайшего благородства.

Второе, что я хотел бы отметить, ну да, это просветительство начала XX века. Вот Игорь хорошо сказал, что даже семидесятники от чего-то ушли. Ты миновал, так сказать, ситуации их деградации. У тебя это очень здорово, хорошо получается.

Я хотел бы ещё обозначить вот такую вещь: патриотическая сила толерантности. В связи с твоим творчеством, Бахытжан, мне приходят эти слова. Восприятие иных культур как своих, родных. Эта толерантность, истинная, очень благородная, очень высокочеловечная, особенно важна во времена дегуманизации, потери цивилизационных начал. Это огромная сила твоего творчества, Бахытжан. Как ты писал о японских военнопленных, как ты здорово понял шведа Андерсона, жившего на берегу Балхаша, и так далее. Сердце твоё огромно, оно, конечно, и Чернобыль, и всё вмещает, и в то же время оно очень органичное. Идёт ли это от семьи? И вот здесь я сожмну два начала, которые в тебе присутствуют – и от просветительства, и то, идущее от чингизидов, торе, батыров, потому что в казахском эпосе, для того чтобы человека признали героем, он должен был ответить на вопрос «жеті қырдан астың ба, жеті жұрттың тілін білдің бе?», то есть «одолел ли ты семь хребтов, узнал ли ты языки семи народов?». Семь – это символ множественности. И только такими могли быть настоящие батыры, герои земли, защитники её, они были толерантны, поскольку огромное количество народов проживало на окружающих ландшафтах, с которыми общались кочевники. Эти два начала в тебе как-то очень хорошо сожмнулись. Естественная, простая, улыбочивая отвага и патриотическая сила толерантности – всё это в полной мере сожмнулось в тебе. Поэтому, дорогой друг, ты несёшь в себе с огромным достоинством то, что тебе было даровано природой и небесами, ты прекрасно чувствуешь дорогу, небо, горы. Мы в этом всегда убеждались. Огонь хорошо тебе открывается тоже, и мясо яка, которое варится в котле, и такие замечательные ландшафты. Но и ещё то, что ты достойно несёшь в себе чувство торе, это начало, которое ты подтверждаешь, в частности, отсутствием заносчивого торизма. Оно очень человеческое, нормальное, очень гуманистичное, бесконечно сильное, оно обладает возможностью удерживать гармонии очень многих разных людей и сословий. Например, все твои сотрудники, всегда особая атмосфера издательского дома «Жибек Жоль». Когда приходишь, там всегда улыбки, любовь сотрудников к своему начальнику, и вообще редкое качество такое – душевности и признания.

Бахытжан, замечательное 70-летие! Не хватит этих площадей – построим новую библиотеку. Пиши, твори, твои эссе просто потрясающие. Помнишь, когда Чингиз Айтматов скончался, мы с тобой там, где-то в твоей квартире в Астане услышали эту весть ночью? Я помню, как мы близко восприняли эту весть и откликнулись на нее... Великолепные статьи, эссе, чем бы он ни занимался, это «сегіз қырлы, бір сырлы», это абсолютно ренессансный человек, и мне приятно, что ренессансные люди добры. Кто подлинно ренессансен, кто вдохновенно одарён, тот и добрый человек. И он никогда не заскулит в дороге (я помню, когда возвращались с Балхаша и совершенно не было ясно, выберемся оттуда или нет, а он шутит, анекдоты рассказывает и читает стихи – это было очень здорово). Он своим пером и творчеством абсолютно равновесен этому миру, в его радостях, горестях и испытаниях. Для меня это очень приятное событие – и то, что сегодня происходит, и происходит великолепно!

И поздравляю библиотеку, Бахытжамал, с тем, что у вас сегодня такие гости.

С днём рождения, братец!

Сдаем 50-й, завершающий том Мухтара Ауэзова. Д. Кунаев, М. Ауэзов,
Л. Утебаева, Б. Канапьянов, Б. Хабдина. 2014 год.

* * *

Эту молитву, сотворённую на санскрите или на ином древнем языке нашего «инобытия», любил повторять странник осевого времени Мурат Мухтаровича Ауэзов:

«Боже, даруй мне просветлённость, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы увидеть разницу; дай мне жить сегодняшним днём, радуясь каждой минуте, принимая трудности лишь как тропинку к миру; дай мне принимать этот мир таким, какой он есть, а не таким, каким бы я хотел его видеть; дай мне верить, что ты всё устроишь так, как надо, если я повинуюсь твоей воле, дабы я мог быть по-настоящему счастлив в этой жизни и в высшей степени счастлив в будущей. Аминь».

*12 августа 2024 года,
на небосводе, над горами
вновь появился молодой месяц.*

ТАМШЫ, БҰЛАҚ!

Шыр етіп осы дүниеге келгелі бергі ғұмырым жол үстінде келеді. Ізденістер мен толғаныстар жолы. Жасым жетпістің бесеуіне келсе де, сол баяғы жолда келемін, көңіл де, жүрек те, сана-сезім де әлі де әлденені іздегендей. Жауабын тапқандай да боласың, бірақ ол бір сағым-сәттер ғана. Қайтадан жол, қайтара іздеу.

Конфуцийдің «Білімге апарар үш-ақ жол бар: ойланыстар мен толғаныстар жолы – бұл ең игілікті жол; еліктеу жолы – бұлең жеңіл жол және тәжірибе жолы – бұл ең күрделі жол» деген сөздері бар. Артық-кемі жоқ, үлкен жолдың осы үш тармағымен де жүріп келемін, сонда да білгенімнен білмегенім, түйсінгенімнен түйгенім, сезінгенімнен саралағаным кемшін түсіп жатады. Қайтадан жол, қайтара іздеу.

ӘДІЛ. Келе жатқан жолдарды саптап, саралап қарасам – оның қайқайсысында да ең басты өмірлік ұстанымым – әділ болу, әділдікті мойындау, әділетсіздікпен күресу болып келеді екен. Әділ мен әділеттілік – жадымда жатталып, жанымды жаңғыртып, ата-бабаларымның қанымен келіп, көңілімді аскақтатып, кеудемді тіктеген ұғым.

Әділдік пен әділеттілік үшін білек пен білек, иық пен иық тірестіріп, Алматы көшелеріне шыққан балаң да бозбала шақтан бері Әділ атты осы жолдан таймай келемін. Жолыңа әділ, жолсерігіңе адал болмасаң, бәрі бекер. Ар-намысыңды аттамау, бөтендікін таптамау – Әділ де әділетті Жолдың дінгегі.

ДІЛ. Мен үшін теңдесі жоқ қасиетті де құдіретті ұғым. Маған өмір Жолымның тірек ұстанымы, дінгегі болған Әділ сөзінің Ділмен үндес, әуездес болғаны да кездейсоқ емес көрінеді. Әрине, ғылыми-лингвистикалық этимологиялық жағынан алып қарағанда, негізсіз болуы мүмкін. Бірақ мәселе онда емес. Қалай болғанда да, мен үшін бұл екеуі – егіз ұғым.

Қандай да болсын жол ең алғашқы қадамнан басталады. Мен өзімнің тәй-тәй басқан алғашқы қадамымнан бастап, анамның:

Тілі жат,
Діні жат,
Ділі жат
Жат елден таяқты жеп едің, –

деген жолдарды әнге қосып жырлағанын естіп өстім. Тілді, дінді түсінемін, ділді ұғына бермеймін. Бірақ бала болсам да, бұл өлең жолдарындағы ең маңызды ойдың осы Ділге келіп тірелетінін бүкіл болмыс-бітіміммен сезінгендей болатынмын. Ділдің құдіреттілігі де осында жатса керек.

Тілден де, Діннен де айрылып қала жаздап, қайта оралған кездеріміз болды, әлі де кездеседі. Ал Ділден ше?! Одан айрылу мүлдем мүмкін емес, тек сол Діл саулығы, Діл тазалығы, Діл беріктігі арқылы ғана жеке тұлға, дербес ұлт, тәуелсіз мемлекет ретінде сақталып қалдық. Тіл мен Дінге де сол Діл дербестігі арқасында оралдық.

Қиындығы мен қызығы қатарласқан үлкен жолдың небір тармақтарындағы бағдаршамым да осы Менің Ділім болып келеді, бола да бермек.

Егер де менің еліме, жеріме, ұлтыма тамшыдай болса да себім тиіп, білім дәмін, ілім дәнін, ғылым дәрін бере білсем, ол да – осы Менің Ділімнің арқасы.

Сондықтан да, үлкен Жолдың айрығында тұрып, Ділімнің дінгегін сусындатқан Ақ Бұлағымнан тамшылап аққан сафтай таза суының әрбір тамшысынан Айналайын дегім келеді.

*Мұрат ӘУЕЗ,
Меркі (Қазақстан),
Фонтенбло (Франция),
Луисвилл (АҚШ)
құрметті азаматы*

**Книги Мурата Ауэзова
(по издательству «Жибек Жолы»)**

1. «Иппокрена», 1997 г.
2. «Уйти, чтобы вернуться», 2011 г.
3. «Времён связующая нить», 2016 г.
4. «Ділім», 2018 г.
5. «Главпочтамт», 2019–2020 гг. (на русском, казахском, английском, турецком языках).
6. «Фатима», 2010 г.
7. «Родословное древо Мухтара Ауэзова», 2011 г. (А. К. Муминов).
8. «Мұхтар Әуезовтің ататегі», 2010 г.
9. «Путь Абая», 2007 г. (новый перевод А. Кима).